

- Православное супружество
 -
 - Слово в день памяти преподобных Кирилла и Марии, родителей Преподобного Сергия Радонежского (28 сентября/11 октября)
 - Да любите друг друга.
 - Молитвы
 - Святые отцы о супруестве
 - Святитель Василий Великий
 - Святитель Григорий Богослов
 - Святитель Иоанн

Златоуст

- Святитель Тихон
Задонский

- Святитель
Филарет,
Митрополит
Московский и
Коломенский

- Святой праведный
Иоанн
Кронштадтский
-

Православное супружество

По **благовословению**
Святейшего **Патриарха**
Московского и всея Руси Алексия
II

**Слово в день памяти
преподобных
Кирилла и Марии,
родителей
Преподобного
Сергия
Радонежского (28
сентября/11
октября)**

**Во имя Отца и Сына и
Святаго Духа!**

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Родительский дом для человека — это начало пути. Здесь он учится говорить и ходить, думать и чувствовать. Здесь чуткой детской душой вбирает он впечатления и учится правде или лжи, любви или ненависти — тому, чем живет и дышит родительский дом. Горше сиротства бывает воспитание во зле. Но счастлив человек, если любовью отца и матери зажжена в нем святая Любовь Божественная. Высок и прекрасен может быть его путь — прямая тропа в Небеса. Недаром в житиях великих подвижников мы так часто встречаем слова: *родился в*

благочестивой семье, от боголюбивых родителей. Из такой семьи произошел и Всероссийский игумен, Ангел—Хранитель отечества нашего — Преподобный Сергей Радонежский.

В те времена Русь называлась Святой. Нет, далеко не каждый русский человек был тогда чист и праведен. Много творилось греха, тяжкого и смертного. На хищных ладьях бороздили речные воды бандиты—ушкуйники; скрывались в лесах душегубы—тати, лилась кровь христианская в междоусобных бранях; *брат ковал крамолу на брата.* Всякое бывало. Но сквозь жестокость и корысть, сквозь

нечистоту падшей человеческой природы высветлялось иное. Вчерашний злодей внезапно повергался ниц пред Богом — и в пламенном порыве покаяния делался подобен Ангелу. Боярский сынок бежал из богатого дома, чтобы в драных обносках, босиком, под плевками и насмешками вершить подвиг юродства Христа ради. Владетельный князь *вменял в мусор* честь, славу и власть, надевал тяжелые вериги и колючую власяницу и в убогой келлии денно и ночью молился Отцу Небесному. Русь называлась Святой, потому что она тосковала по святости.

Много было на Святой Руси

такого, что показалось бы очень странным нашему практичному, корыстному, оземленившемуся веку. Так, своевольное и буйное, мятежное и преступное вече внезапно смолкало, когда раздавался призыв строить храм или монастырь. Этот древний «митинг», это сборище готовых спорить до хрипоты, хватавшихся за мечи и дубины буянов вдруг затихало — и становилось единодушным. Самые жадные развязывали кошельки, самые ленивые брались за труд: созидался дом Божий. И как бы ни надмевался купец, боярин или князь, все равно его хоромы не могли быть выше храма: то был закон «Русской

Правды». Разоренная Ордой страна находила силы и средства для того, чтобы возводить белокаменные церкви. В убогих селениях, среди жалких лачужек высились прекрасные храмы—напоминанием о красоте Небесной. И в самой нищей избе — чистотой и красотой сиял восточный «красный угол», где теплилась лампада перед иконой. Такой «красный угол», принадлежащий Богу Всевышнему, сберегался и в душе каждого человека.

Нет, не княжескими удельными раздорами, не удалью ушкуйников, не хитростями торговых гостей определялась народная жизнь на

Святой Руси. Поверхностное бурление греха было лишь пеной на волне, под которой ширилась и набирала силы тихая светлая река русской святости. Посланный за грех междоусобных войн тяжкий крест ордынского ига большинство народа несло терпеливо и стойко, укрепляясь в благочестии. Твердынями, за стены которых не проникали бури вражды и греха, становились святорусские семьи. У домашних божниц возвращались будущие угодники Господни — иноки—подвижники, отмолившие Русь от пагубного разделения и чужеземного ига.

Ничем особенным не

выделялась среди своих соседей боярская семья, чье имение располагалось на берегу речушки Ишни неподалеку от Ростова. Так же, как все, праведные Кирилл и Мария часто ходили в храм Божий, так же подолгу молились у домашней божницы утром и вечером, так же растили детей, поучая их доброму. Муж служил Ростовскому князю мечом, советом и именем своим. Жена сидела в *терему*, растила трех сыновей и занималась хозяйством. Были они *страннолюбивы*: любили приветить прохожего монаха или просто богомольца, идущего поклониться святым местам, любили угостить такого странника и

уладиться духовной беседой с ним. Но и в этом не было ничего замечательного: гостеприимством русские люди славились испокон веков. Да, обычной была эта семья святорусская.

В жизни их хватало и сладкого, и горького. Верой и правдой служил Ростовскому князю боярин Кирилл. Потому-то и выпадала ему великая честь: князь брал его с собой, когда ездил в Орду на поклон к ханам. Неверных слуг в такие поездки не брали. Но это княжеское доверие, эта честь были опасны, да и разорительны. Нужно было везти с собой богатые подарки, задабривать ордынцев, чтобы упасти Русь от

набегов и насилия. И притом кто мог знать, что взбредет в голову ордынским вельможам, как аукнутся в ханской ставке русские междоусобные интриги? Уже многие князья и бояре к тому времени сложили в Орде свои головы. Перед тем, как ехать туда, писали завещания. И в каждую такую поездку как на смерть провожала любимого мужа праведная Мария.

Были тревоги и расставания. Были разлуки любящих, так трогательно описанные в русских народных песнях. Но сквозь внешнюю разъединенность, словно ласковую руку, праведная Мария простирала молитву к Богу о

хранении ее супруга на всех путях. Для молитвы нет расстояний, для любви нет пространств. В краях чуждых и враждебных, среди тягот и опасностей праведного Кирилла укрепляло сознание: на родине ждет и молится о нем его верная, добрая и любимая боярыня. Так смягчалась боль разлуки для них, предавших себя и друг друга в волю Божию. Покров Небесного Отца был над ними обоими.

И вдалеке, и вблизи праведные Кирилл и Мария умели беречь счастье взаимной любви, дарованное им от Господа. Их брак не покрывался паутиной привычки, не тонул в болоте скуки и пресыщения.

Из яркой искры чувства, вспыхнувшей однажды в их юности, они смогли зажечь благодатный, согревающий сердца огонь семейного очага.

Молодая, горячая вспышка чувств — это только встреча, узнавание. Сама любовь, дело и труд любви, с венчания начинаются. *Прекрасно, что Сам Христос присутствует на браке, потому что где Христос, там все обретает достоинство и вода претворяется в вино,* — говорит святитель Григорий Богослов. Да, лишь когда Господь благословляет брак, сладкий сироп земной влюбленности может превратиться в сладчайшее вино

любви — не выдыхающееся и не портящееся, но становящееся все лучше с годами. Только нельзя забывать, что это земное чудо — дар Бога Всещедрого.

Тайна зарождения любви — внезапное прозрение в другом человеке красоты невыразимой, неповторимой, неисчерпаемой. Это прозрение всегда истинно: ведь в каждом сокрыт образ все совершенной красоты Божией. Каждый человек, увиденный глазами любви, представляет собой чудо — живую икону Всевышнего. Так христианский брак является приобщением к Божественной красоте — ежедневным чудом,

которое не может наскучить. По слову святителя Иоанна Златоуста, *красота телесная через привычку становится обыкновенной, а красота души на каждый день обновляется и больший возжигает к себе пламень.* И вот дело и труд любви: в искаженном земном мире, преодолевая душевные немощи и несовершенство земной оболочки друг друга, хранить и возгревать в себе сознание однажды открывшегося чуда, взаимное изумление. Такое возможно только при благодатной помощи Божией.

Создавая первую женщину из ребра Адама, первого мужчины, Бог сказал: *Не хорошо быть человеку*

одному (Быт. 2,18). В совершенной любви между мужчиной и женщиной, в этой наиболее доступной для человеческих существ взаимной близости, открывается путь к всесовершенству Любви Божественной. По Промыслу Господню, это как бы «заманивание», воспитание людей для Вышнего. Ведь любовь и есть та наука наук и искусство искусств, которые вводят человека в Небесное Царство — величайшую семью Бога Любви. Любящие научаются видеть и любить образ Божий, Бога друг в друге. Взрастивший в себе совершенство любви брачной, расширяя это чувство, возносится до

всеобъемлющей любви к подобным себе детям Света и, наконец, к высочайшей любви ко Вселюбящему Создателю всех и всего — Отцу Небесному. Но этой Божественной «школой» еще не исчерпывается смысл брака как тайны и Таинства.

Бог есть Пресвятая Троица, в полноте Своего внутреннего бытия наслаждающаяся всесовершенной Любовью — непостижимым единением Трех Ипостасей. Словом Господним: *не хорошо быть человеку одному* — мужчина и женщина, разные по природе человеческие существа, предназначены к взаимному дополнению, призываются к

«двоичности» — человеческой мере приобщения к Троическому блаженству Божества. Это подобно сдвоенному лучу, которому дарует совершенство Светоподающая Троица, принимая его в Свои объятия.

Освящая Таинство Брака, Господь незримо подает супругам Свою всеильную защиту от козней вселенской злобы, старающейся осквернить и разрушить человеческую любовь. В падшем мире благодатный брак позволяет преодолеть одиночество—дух распада и вражды, которым диавол заразил соблазненное им человечество. В противостоянии этому губительному

разложению мира и заключается смысл того, что супруги друг для друга — единственны. Этот их выбор, сделанный свободной (или даже чем-то сторонним обусловленной) человеческой волей, делается раз и навсегда. В старину браки нередко заключались по выбору родителей: не порывами неопытной юности, а зрелым умом старших создавались супружеские пары. И такие семьи порой оказывались крепче и прекраснее, чем явившиеся из самой страстной влюбленности. Эти союзы строились в послушании родителям и Господу, в готовности увидеть красоту дарованного тебе человека и

поллюбить его как дар Божий. Любовь требует веры. Без нее слышится малодушная и маловерная клевета падшего Адама на Самого Бога, якобы «давшего ему плохую Еву». По слову святителя Кирилла Иерусалимского, *на вере утверждается супружеский союз, когда прежде чужие друг другу люди взаимно предаются друг другу.* Если человек мечется по миру в поиске и смене «любовей» (то есть влюбленностей, страстей и похотей), он не только не создает благодатного единства «двоицы», но и дробит собственную душу на множество осколков. Это служение разрушителю—сатане, а отнюдь не

заповеданный Богом путь единения в любви.

В Таинстве Брака Господь дарует, вверяет и доверяет одно человеческое существо другому. Выход из—под этого благословенного покрова — предательство по отношению к Богу и ближнему — поругание дара Божия и надругательство над душой доверенного тебе человека. Супруги один для другого становятся призыванием свыше: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6).

Созерцание друг в друге живых икон, образов Божественной красоты, для супругов должно стать

не просто любованием, а призывом к деланию. В искаженном грехопадением мире сокровенный пресветлый образ замутнен и затемнен: каждый имеет свои слабости и недостатки, подчас даже пороки. Об этой печати первородного греха, лежащей на каждом из нас, необходимо помнить, чтобы избежать очарования, за которым естественно последует разочарование. Нередко молодые супруги ищут друг в друге только прекрасных принцев и принцесс, предъявляют друг ко другу неисполнимые идеальные требования, забывая о собственном несовершенстве, — так вносятся

трещины в брачный союз. Каждый должен помнить о своем недостоинстве — тогда во взаимном смирении супруги могут помочь друг другу проявить лучшие сокровенные черты, явиться в изначальной Богозданной красоте души. Это делание можно назвать взаимной «реставрацией» живых икон, доверенных Всевышним. Еще более точно это можно сравнить с родами: каждый любовью возрождает другого в его пресветлой сущности — это общее и взаимное «рождение двоицы свыше» к блаженному единству, восходящему в Царство Божие.

Исполнение закона Христова, святого закона любви, — *в несении*

немощей друг друга. Недаром на Руси издревле слова *любить* и *жалеть* произносились на одном дыхании. Истинная любовь немыслима без милосердия, сострадания, готовности к самопожертвованию в служении любимому. Только *жаление* и родственное ему чувство — нежность, а отнюдь не чувственные страсти могут стать скрепой настоящего союза, не страшящегося времени. Милосердная любовь умеет прощать, забывает темные мгновения и бережно хранит в памяти только светлые мгновения прожитых лет. Милующая любовь не слабеет, а растет с годами, и даже морщины

возраста на любимом облике
вызывают умиление. Да, эти
«взаимные роды», это *несение*
немощей своего избранника, это
жертвенное служение любви порой
оказывается мучительным, однако
этот труд вознаграждается
изумительной формой земного
счастья, восходящей в вечность.
Честной брак (сдвоенная дорога в
Горня), как и монашество (прямой и
высочайший путь к Небесному
Отцу), в Православии именуется
подвигом. И брачный подвиг,
вершающийся в служении любимому
человеку как живой иконе,
невозможен без твердой веры в
Первообраз — в Бога Живого.

Бог есть Источник жизни, Источник Любви живой, нестареющей, бессмертной. В самом чувстве любви заложен порыв к вечности: это святое чувство противоборствует понятию конца, не желает признавать для себя возможность смерти. Уже в полудетских объяснениях юных влюбленных звучит: «Я люблю тебя навсегда», — и в этом лепете неопытных сердец есть прозрение высочайшей истины. Но бессмертие любви — в вечности Божией. Поэтому, хотя нехристианские семьи могут казаться благополучными и даже счастливыми, они всегда таят в себе ущербность, внутренний

трагизм. Это уровень приземленной душевности, а не высокой духовности; обреченная на крах попытка свести Небо на землю. Не случайно счастье любящих поэты называют райским: совершенна была любовь Адама и Евы в раю до их грехопадения. Любовь — чувство небесного происхождения; если люди забывают ее Дарителя, Бога Вселюбящего, их любовь становится смертной и исчезает в прахе земном.

Христианское супружество — это сдвоенная жизнь с Богом и в Боге. Это таинство единения духовного, душевного и телесного, освященного Самим Господом: *Браку всех да будет честен и ложе*

непорочно (Евр. 13, 4). Освящается все: труд ради прокормления семьи, бытовые хлопоты, супружеские ласки — по слову апостольскому, *все чисто для чистого*. Такой брак становится священнодействием, ибо все в нем совершается во имя любви, а значит, во славу Вселюбящего Бога. Разумеется, постоянно хранить такую высоту отношений — это выше слабых сил человеческих. И окрыляется брак молитвой, прошениями к Всемогущему Создателю о благодатной помощи. И осветляется брак молитвой, благодарениями верных детей Небесному Отцу за дарованное им счастье взаимной любви. Так

создается *малая церковь*, *домашний храм* — семья становится домом Божиим. По обетованию Господню, где двое собраны во имя Христа Спасителя — там и Он посреди них.

Однако даже в законном, венчанном браке существуют опасности языческих соблазнов. Первый — это «наслажденчес-тво»: когда супруги ждут друг от друга только телесных удовольствий или душевного уюта. Такое принижение Таинства искажает брак, оставляя его на уровне греховной связи падших созданий. Подобный союз непрочен — может разрушиться от любой боли, может омертветь от времени и пресыщения. Лишь

стремление к духовному единению и готовность к жертвенному служению делают брак христианским. От второго вида соблазна предостерегал святой Апостол Павел: когда угождение женщине становится выше угождения Богу. До крайних пределов это извращение доходило в рыцарском культе, распространенном на средневековом Западе, — поклонении прекрасным дамам. Творение из женщины кумира — это культ падшей Евы, разжигающий в женщинах ненасытную гордыню и приводящий к самым пагубным последствиям. Такая языческая попытка опрокинуть Божественную любовь на землю,

предпочестъ создание Создателю—
былаодной из главных причин
грехопадения Адама, съевшего плод,
который дала ему жена (см. Быт.
3,12). Опасности искажения
сущности брака точно определяет
святитель Филарет Московский: *Кто
любит жену свою больше Бога, тот
идолопоклонник, кто любит ее по
одному любострастию, тот
прелюбодей, а кто любит ее как
Христос — Церковь, тот супруг
христианский.*

В Священном Писании к
человеческому браку приложено
высочайшее уподобление — образ
союза Христа и Церкви. В свете
этого образа становится понятно

различие брачных призваний
мужчины и женщины, ведущее к
семейной гармонии. Муж —
духовный глава, кормилец и
податель благ, защитник от злобы
внешнего мира; жена —
устроительница домашнего очага и
воспитательница детей: *Муж есть
глава жены, как и Христос глава
Церкви* (Еф. 5, 23) - в этой
евангельской заповеди нет ничего
унизительного для женщины. Не
унижает ведь изящного оленя
сознание того, что он не могучий
лев. Не в битвах и на торжищах, а в
нежности супружеской и величии
материнства раскрывается вся
красота женской души. Недаром в

первохристианские времена даже язычники изумленно восклицали: «Какие женщины у христиан!» Целомудрие и милосердие, верность призваниям жены и матери были той проповедью, которую женщины-христианки обращали к миру.

Нарушение заповеданной Богом семейной иерархии — стремление жены главенствовать (стать, по сути, мужеподобной) и попустительство этому со стороны мужа (его женоподобие) извращают брак. Мужчина сотворен более сильным, и он должен править семьей, но не насилием, а снисхождением и самоотверженной любовью — подобно тому, как Спаситель принял

Крест ради утверждения Церкви. И ту же верность и преданность, какой проникнута Святая Церковь ко Христу Господу, должна питать жена к своему супругу. Так мощь и разум мужской природы сочетаются с изяществом и нежностью природы женской, сливаясь в дивное брачное единство—воплощение

Божественного Домостроительства, предназначившего мужчину и женщину друг для друга. Так в человеческом союзе двух любящих начинают сиять черты союза богочеловеческого.

Полноту жизни и радости дарует супружество, благословенное Всевышним. «Песнь песней» —

ликующий гимн человеческой любви в Библии — стал образом любви Небесной: *О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные. О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас — зелень... Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне... Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее (Песн. 1, 14—15; 6, 3; 8, 7).*

На Руси, истерзанной
междоусобными войнами,
порабощенной ордынцами,
польхающей пожарами и
истекающей кровью, твердыней
тихой радости и благодатного покоя

оставались семьи. Из бурления мирской злобы возвращались мужья к домашним очагам, и встречали их преданные жены — и любящая семья предстояла Богу Вселюбящему, собираясь у домашних божниц. Внешней розни противостояло единство святорусских домов. Таков был и союз двоицы блаженной, благоверного Кирилла и Марии добронравной, которых Церковь воспевает как образ честного супружества.

Православие трезвенно, ему чужды слепые порывы и бурные надрывы. Без «страстей, рвущихся в ключья», а светло и спокойно росло взаимное чувство благочестивых

Кирилла и Марии, — как растут высокие деревья. Души их укоренялись друг в друге, и, подобно благоуханной листве, осеняло их счастье супружеское. Они знали тяготы и испытания: приходилось им и надолго разлучаться, и укрываться от очередного ордынского набега, а потом вместе восстанавливать дотла разоренное хозяйство. Но в совместно пережитых невзгодах лишь укреплялась их взаимная любовь, как закаляется стройный тополь под порывами сурового ветра. Они жили в страшном мире, где было множество бедствий и еще больше слухов о бедах страшнейших, но они не знали страха, черпая

мужество в своем единстве и уповании на Отца Небесного.

Праведный Кирилл заседал в боярской думе, где приходилось слышать много глупого, злого, подлого. Нередко какой-нибудь «удельный патриот» подстрекал князя к тому, чтобы поддержать «честь и славу» Ростова Великого набегом на другое княжество. Нередко какой-нибудь интриган подавал лукавый совет, как лучше навредить соседнему правителю. Святому Кириллу такие речи были противны: за ними виделись кровь и слезы русских православных людей, льющиеся из-за пустого удельного честолюбия. Но он умел сдерживать

гнев, хранить в душе высокий покой — опорой ему был его семейный очаг и память о кротости Христа Спасителя. А когда сеятели вражды уставали спорить, кричать и махать кулаками, самым веским оказывался тихий голос боярина Кирилла, звавший к миру. За эту смиренную мудрость и ценили его Ростовские князья.

Местные политики все чаще и все с большим озлоблением говорили о Москве. Московский правитель великий князь Иоанн Калита начал властно вмешиваться в дела других уделов. Древнейшие и славнейшие княжества, такие, как Суздальское или Ростовское, должны были

выслушивать указы или приказы Москвы, недавней убогой деревушки. «Удельным патриотам» это казалось оскорбительным. А вот боярину Кириллу нравились деяния Калиты. Конечно, он очень редко и с оглядкой делился такими мыслями с другими. Но праведный Кирилл видел: все эти удельные патриотизмы и местные амбиции, вся эта нескончаемая княжеская грызня вокруг «столов» и границ их владений — все это внушено сатаной. За всем этим был смертный грех — гордыня и корысть правителей, а расплачиваться должен был православный народ. Почему суздальцы и тверичи,

рязанцы и новгородцы, люди, родные по вере и крови, по духу и языку, шли убивать друг друга ради ничтожных удельных прав?

Русь истощала свои силы во внутренних раздорах, только поэтому ордынцы могли так нагло грабить, жечь и насиловать в ее пределах. Во множестве погибали православные люди от братоубийств и набегов, души заражались ненавистью и жестокостью, унынием и отчаянием. Все это были дела, противные Христу Господу, дела дьявольские. Искушенный в делах государственных, смиренный христианин Кирилл понимал: кто-то из князей должен взять на себя крест

и труд объединения Руси, а все остальные — смириться. Только тогда можно будет превозмочь страшный грех раздоров между братьями во Христе. Только тогда русские люди смогут стать любвеобильной семьей, как подобает народу православному.

Великий князь Иоанн Калита казался именно тем правителем, который способен сплотить вокруг себя Русь. Он берег кровь христианскую. Друг хана Узбека, князь Иоанн умел договариваться с Ордой, не раз ему удавалось отводить не только от своего удела, но и от других русских княжеств ордынские набеги. Он расширял

уделы Московского княжества и укреплял его влияние не междоусобными войнами, а тонкой и умной политикой. Было известно личное благочестие князя Иоанна; прозвание Калита (кошель) он получил за то, что повсюду носил с собою кошель с деньгами, щедро оделяя бедных. Над Москвой было благословение Церкви: Святитель Петр, митрополит всея Руси, *из любви к духовному своему сыну князю Иоанну* перенес первосвятительскую кафедру из Владимира в Москву — и этот город стал сердцем русского Православия. Все это знал и понимал ростовский боярин Кирилл, и как ни дорого

было ему родное княжество, еще более любил он Русь Святую и надежда его была на князя Московского.

Государственный деятель, *муж разума*, боярин Кирилл старался по-Божьи жить на том месте, куда Бог послал, и достойно делать то дело, что Богом вверено. Он верой и правдой служил Ростовскому князю. Но зрячее сердце его болело, не могло не болеть бедами всей Русской земли. Так часто и так мучительно приходилось ему ощущать свое бессилие перед лицом безумной вражды между князьями. С этой болью он возвращался в свой дом, делился скорбными мыслями с

любящей женой — и становилось легче, и отчаяние сменялось надеждой. Праведная Мария все понимала, более сердцем, нежели умом, потому что любила мужа и боль его была ее болью. Вместе обращали они к Богу свои пламенные молитвы за отечество. Христос слышал их, Христос был посреди этих двоих верных — и пробуждалось упование на доброе будущее. Так же и во множестве других домов благочестивые семьи отмаливали грех русских междоусобиц. Единение Руси — то была воля семейств святорусских. И могущественна была эта воля. Святитель Иоанн Златоуст сказал:

Смотри: мир состоит из городов, города — из семейств, семейства — из мужей и жен. Жене муж да будет дороже всех, мужу жена да будет любезнее всех. Жена должна быть единомысленна со своим мужем, на этом утверждается благосостояние всего мира. В единодушных молитвах у домашних божниц рождалось будущее умиротворение, освобождение и величие Святой Руси.

Среди мятежного мира семья праведных Кирилла и Марии была островком благодатного покоя. Любящим знакомы эти тихие семейные радости: неторопливые беседы, в которых самые обычные

слова становятся важными, сладость совместных трапез; счастье чувствовать присутствие друг друга, когда взгляд, улыбка, даже молчание обретают пленительную глубину, ибо все освящено любовью. В неспешном течении будничных дней ярко сияют праздники, семейные и Божественные, потому что отмечают дни Ангелов супругов и великие торжества Матери–Церкви. В совместной молитве любовь супружеская осеняется Любовью Всевышнего, и любящие, приближаясь к Небесному Отцу, становятся еще роднее друг другу.

Когда праведный Кирилл уходил на свою службу боярскую, его

боярыня оставалась в *терему*. У нее было собственное служение. Замесить тесто и поставить в печь хлеба, заквасить капусту, засолить грибочков и сварить варенье, прясть и ткать, шить одежду и украшать ее вышивками. И вкуснее заморских лакомств была для боярина Кирилла простая и здоровая еда, освященная женской любовью. И нежила его тело льняная рубаха, сшитая руками любимой. И среди буйных споров и криков, в опасностях дальней дороги успокаивалось его сердце, увлажняла его взор слеза умиления, когда смотрел он на простенький узор своего кафтана, вышитый праведной Марией.

Добрых жен, подобных святой Марии, восхваляет и ублажает Священное Писание: Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов; уверено в ней сердце мужа ее... она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и — светильник ее не гаснет и ночью.

Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено... Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды. Крепость и красота — одежда ее, и весело смотрит она на будущее. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за

хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети и ублажают ее, — муж, и хвалит ее: «много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. (Притч. 31,10–12,18,19, 21,25–30).

В позднейшие времена разные «прогрессисты» всячески хулили святорусский терем: дескать, как скучно должно было быть женщинам в их семейном уединении. Эта лицемерная жалость, эти призывы к женскому равноправию привели женщин сначала к пустым и чувственным светским

развлечениям, а затем и на каторгу большевицких производств. То было надругательство над женским призванием супружества и материнства, извращением сущности женской души.

Скучно ли было женам, подобным праведной Марии, в их теремах? Они жили во вселенной своего дома, ими созданной и поддерживаемой, наслаждаясь правильным и гармоническим течением хозяйства. Они питали и украшали собственное мироздание—благодатный мир семейного очага. Труд, быт, хлопоты по дому не утомляли, а радовали, ибо вершились во имя супружеской любви. Уборка,

стирка—все это не было постылой работой, а приобретало высокий смысл. Скучать в тереме было некогда: в нем заключалась полнота жизни. Зачем было доброй жене стремиться прочь из своего дома? Зачем любящей и любимой красоваться перед посторонними, выхваляться нарядами, чувствовать на себе оскверняющие взгляды чужой похоти? В чем она могла искать развлечений на стороне — в пустословии, в сплетнях и осуждении ближних? Благочестивые женщины боялись греха; любящие жены хотели нравиться только собственным мужьям и за счастье почитали нести им радость, созидать

семью. Прекрасный домашний очаг — это высокое искусство, это шедевр женского зодчества. Зачем же на сор мирской суеты разменивать сокровище брачной любви? А ведь был еще и венец честного супружества, дивный дар Божий — дети. *Достойна презрения та женщина, которая может скучать, имея детей. Счастлива та, кто, гордясь своим титулом матери, смотрит на своих детей как на самое лучшее свое украшение, —* говорит святитель Московский Филарет.

Ошибочно было бы видеть главную цель супружества только в рождении детей: это различные

тайны и Таинства. Слова Господни: *не хорошо быть человеку одному* (Быт. 2, 18) и благословение *В с е в ы ш н е г о : плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1, 28) - говорят по-разному и о разном. Брачное единение двоицы самоценно как торжество любви человеческой, ведущее к любви Божественной. Но явлением детей увенчивается супружество. Это дивное чудо: двое любящих воочию видят, как их любовь воплощается — становится новым человеческим существом, их ребенком. Тайна рождения детей является светлым кругом, множащим совершенство брачной любви.

Рождение ребенка — это благодатный дар Господень, но одновременно и новое призвание, и труд, и крест для супругов. Бог вверяет и поручает земным родителям младенца, еще беззащитного телом и душой. Это не простая радость, не игра и не забава: это грозная ответственность—на Страшном Суде ответят родители перед Богом за живые души своих детей. В муках женщина рождает дитя, но затем отцу и матери предстоят «вторые роды», иногда еще более мучительные—воспитание. *Заботься не на земле оставить детей, но возвести на Небо; рождай души и воспитывай детей духовно,*

— призывает святитель Василий Великий.

Беззащитный младенец приходит в падший мир, и в его собственной, еще чистой душе, уже таится злое семя первородного греха. С рождения дитя нуждается в Божественных Таинствах, защищающих его от темных сил. Некрещеные дети часто пугаются темноты, их мучают кошмары, и когда они рассказывают свои чуткие сны, выясняется, что они видели бесов. Крещение и Миропомазание, Причастие Тела и Крови Христовых — вот лучшее хранение душевного и телесного здоровья ребенка, вот та оборона от духов злобы, которую он

должен получать с младенчества. Великую силу имеют молитвы любящих отца и матери о своем чаде. И когда сам ребенок, пусть и не понимая вполне произносимого, лепечет святыя слова молитв, его слышит Господь. Преступно *мешать детям приходить ко Христу*. Безумно восставать против Крещения младенцев, как это делают сектанты, под тем предлогом, что ребенок, дескать, еще ничего не понимает. Пусть не вполне проснулся разум, но уже бодрствует чистая детская душа, жаждущая приникнуть к Отцу Небесному. По точному слову Тертуллиана, *душа человеческая по природе своей христианка*. Как

можно раньше приобщить ребенка к храму Божию, научить его молиться, пробудить в нем любовь к Всевышнему — долг благочестивых родителей.

Чистое детское сердце само тянется к Небу. Лучшие струны души ребенка отзовутся на простые рассказы о высочайшем: о Пречистой Деве Марии, росшей в храме Божиим и беседовавшей с Ангелами, о рождении Богомладенца в бедной пещере, рядом с волком и осликом, согревавшими Его своим дыханием; о поклонении добрых пастухов и дарах мудрых волхвов Ребенку, в Котором узрели они обетованного Спасителя; о Его смиренной жизни в

Назарете и о чудесах Христовых, о том, как Всемогущий Бог пошел на позор и страшную смерть, чтобы спасти изменивших Ему, заблудших и несчастных людей; о том, как воскрес Христос и вошел на Небеса и зовет к Себе всех, кто послушен Небесному Отцу и любит Его... Чутким сердцем воспримет ребенок красоту православного богослужения, радость церковных торжеств, милые обряды, посвященные великим дням: куличи и крашеные яйца на Пасху, колядки на Рождество, березки на Троицу, веточки вербы на Вход Господень в Иерусалим... Пока душа и тело еще чисты, еще не созрели для

погибельных «взрослых страстей», нужно торопиться напитать ребенка святыми впечатлениями, чтобы впоследствии стремление к Свету Божественному восторжествовало в нем над липкими соблазнами падшего мира.

Выкормить, обогреть, вырастить — такие заботы проявляют и животные о своих детенышах. Для ребенка, обладающего бессмертной душой, призванного к небесной вечности, таких попечений недостаточно. Частенько неразумные родители дают детям «кукольное» воспитание, то есть наряжают, пичкают лакомствами, всячески увеселяют и любят своим

«ненаглядным чадушкой», хотя его шалости и капризы становятся все более дикими. А тем временем в юной душе все гуще разрастаются злые сорняки, явившиеся из семени первородного греха. И не успевают родители оглянуться, как их балованное «дитятко» становится вполне зрелым негодяем, несущим зло отцу и матери, всем окружающим и самому себе. К мудрой строгости призывает родителей в отношении к детям Священное Писание. Ростки греха необходимо выпалывать с детства: увещанием, наказанием, воспитанием в послушании и труде, иначе корни ядовитых страстей

укоренятся в душе и очень трудно и мучительно, а порой и невозможно будет истребить его. Так неразумные отец и мать ставят своего баловня под угрозу вечной гибели.

Еще один вид родительских забот — дать детям мирское образование, то есть обучить их науке, искусству или ремеслу. Это неплохо для подготовки к земной жизни, но очень плохо, если на этом считают свой родительский долг поконченным и не трудятся над воспитанием детей в благочестии. Святитель Тихон Задонский говорит по этому поводу: Полезно учить наукам и художествам, но необходимо учить жить по—

христиански. Внимайте этому, чтобы не быть убийцами тех детей, которых вы произвели на свет. Родивший дал только жизнь. Недостойн родитель, который к временной жизни родил детей, а к Вечной жизни затворил им двери дурным воспитанием или соблазнами своими. Лучше человеку не родиться, чем родиться и быть в вечной гибели.

Уже прямо в геенну огненную подталкивают рожденных ими детей те родители, которые, сами заостенев в мирской злобе, дают своим отпрыскам так называемое «практическое» воспитание, то есть учат их, как преуспеть с помощью лукавства, хитрости и обмана.

Обученный такому «искусству» человек, может быть, и набьет свое чрево мирскими сластями, но такая «практичность и жизнеспособность» в конце концов бросят его в когти душеубийцы—диавола, на нескончаемую пытку.

Не одними словами, но прежде всего примером собственной жизни воспитывают родители детей своих. Если отец и мать говорят добрые речи, а совершают скверные поступки, ребенок последует их жизни, а не ученью. А видя искреннее боголюбие старших, красоту их дел, высоту их духовных стремлений, дитя своей чистой душой потянется вслед за ними к

Любвеобильному Богу Небесному.

Очень дурно бывает, когда ребенок становится центром семьи, неким «солнышком», вокруг которого, как планеты, вертятся родители. Между супругами возникает состязание за привязанность маленького кумирчика, которого каждый стремится перетянуть к себе, сделать «маминым» или «папиным». Один позволяет ему то, что запрещает другой, отсюда то же пагубное баловство. В отношении к ребенку это идолопоклонничество, в отношении к семье — полное извращение ее христианского облика. Разумеется, родительская

любовь священна, но нельзя забывать, что в отношении любви брачной она вторична. Недопустимо, чтобы страсть к дитяти затмевала чувство супружеское, вместо того чтобы укреплять и возвышать его. Ребенок должен возрасть в любви, но прежде всего и важнее всего ему необходимо видеть сияние любви отца и матери друг ко другу, а уж потом купаться в их родительской любви к себе. В семье, где взаимное чувство родителей омертвело, сердце ребенка может остаться холодным, так и не научиться любить, как бы ни была нежна к нему мать и как бы ни был заботлив отец.

На образе взаимного чувства

родителей их дитя учится любви
милосердной и милующей. Рано или
поздно ребенок заметит, что у его
родителей есть свои недостатки и
немощи, но великим уроком для него
будет их умение *носить немощи друг
друга* и, несмотря на это, свято
хранить супружескую любовь. Так
войдет в его сердце и образ
бесконечной Любви Христа,
снисходящего к грешникам и
идущего на смерть ради их спасения.

Когда в мире бушует злоба и
беснуется грех, неприступной
крепостью, ограждающей юную душу
от тлетворных ветров, должна
явиться семья. Потом, возмужав в
благочестии, облеченный своими

родителями во всеоружие благочестия и добродетели, воин Христов уже сможет сам противостать козням диавольским. Так от доброго дерева рождаются добрые плоды, несущие миру сладость истины и любви.

Преподобным Кириллу и Марии даровал Господь трех сыновей. Старший, Стефан, пошел характером в отца — был деятельным и мужественным. Младший, Петр, — в мать — он стал хозяйственным и домовитым. Средний же, Варфоломей, был чудо и тайна.

Однажды праведная Мария, беременная этим ребенком, по обыкновению пришла в воскресенье

в храм и смиренно стояла в уголке, внимая Божественной литургии. Когда ей доводилось носить во чреве дитя, она молилась с удвоенным усердием: за себя и родных своих и за созревающую в ней новую жизнь. На сей раз во время церковной молитвы произошло чудесное и пугающее. В торжественнейшие моменты богослужения младенец трижды возгласил из ее чрева: когда началось чтение Евангелия, когда воспели Херувимскую песнь, когда возвестил священник: *Святая святым*. Этот голос младенца, еще из чрева матери взывающего к Богу, наполнил трепетом праведную Марию. После службы вокруг нее

собрались любопытные, желая видеть дитя, словно постигшее уже смысл Церковных Таинств, — и ей пришлось сознаться, что не на руках, а во чреве ее возглашал ребенок. Изумленные чудом, верующие могли только повторить сказанное некогда о рождестве святого Иоанна Предтечи: *что будет младенец сей?* (Лк. 1, 66). И преподобный Епифаний Премудрый уподобляет этот троекратный возглас будущего Всероссийского игумена, еще не родившегося на свет, разыгранию Предтечи Господня в материнском чреве при приближении Христа.

Благоговейно носила в себе святая Мария таинственного

младенца, еще до явления своего на свет чудесно отмеченного и избранного Богом. Она наложила на себя пост: отказалась от мяса, рыбы, молока; не прикасалась к вину и хмельному меду. Со слезами молилась она о доверенном ей дивном ребенке: *Господи! Спаси меня, соблюди меня, убогую рабу Твою, и младенца этого, которого ношу я во утробе моей, спаси и сохрани! Ты, Господи, охраняющий младенцы, да будет воля Твоя, Господи! И да будет имя Твое благословенно во веки веков!* Так сын ее еще во чреве освящался постом и материнскими молитвами.

Известно, что беременные

женщины требуют для себя особой пищи: так, они часто едят мел, нужный для укрепления костей носимого ими ребенка. Но так же, как тельце младенца до его появления на свет питается через материнское тело, так и душа его впитывает в себя чувства и ощущения матери. В Италии беременные женщины стараются чаще любоваться красотой природы и произведений искусства, получать больше светлых впечатлений, чтобы красивы и душевно здоровы были рожденные ими дети. Таково же и питание духовное: святые чувства, испытываемые матерью в храме Божиим, в молитвенном предстоянии

Господу, в богоугодной чистоте и воздержании, в добрых делах — эти чувства незримо воспринимает носимое ею дитя. Так созревает ребенок во чреве благочестивой матери не только для земного существования, но и для жизни Небесной. Второй, таинственный ребенок праведных Кирилла и Марии, при Крещении получил имя Варфоломей — «сын утешения». Крестивший его священник, которому родители рассказали о чуде, бывшем над их младенцем, изумился, и по наитию свыше возвестил им: *Радуйтесь и веселитесь, ибо будет ребенок сей сосуд избранный Бога, обитель и*

слуга Святой Троицы.

Сразу же в поведении новорожденного обнаружилась некая странность. По некоторым дням младенец отказывался пить материнское молоко. Сначала родители тревожились, думая, что он болен, но малыш оставался бодр и весел. Потом поняли: он воздерживался от пищи по средам и пятницам — в дни установленного Церковью поста. И еще: младенец отворачивался от материнской груди, если мать в тот день ела мясное. Поняв это, праведная Мария вновь отказалась от скоромной пищи, как и в то время, когда еще вынашивала чудесного сына.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: *Для христианской матери должно быть радостью учить дитя свое и тогда уже, когда голос его слаб и язык его еще лепечет, произносить сладчайшее имя Иисуса.* Так и праведная Мария с малолетства приучала сыновей своих возноситься душою к Божественной Любви. Чутко воспринимал эти сладостные уроки юный Варфоломей, ощущая веяние Небес у домашней божницы, проникаясь красотой храмового богослужения, чувствуя дивное преображение всего своего существа после причащения Святых Тайн. Да, этот ребенок был предызбран Богом еще в

материнской утробе, в нем были заложены от Господа высочайшие дарования, но родительский дом стал той доброй почвой, благодаря которой так стройно устремлялся к Царству Божию чудесный росток его души. Святая семья помогала пробудиться высокому разуму и светлому сердцу юного избранника Всевышнего.

Праведные Кирилл и Мария знали, что этот их сын предназначен для великих духовных подвигов. С самого раннего возраста Варфоломей обнаруживал явственные черты святости. Родители были призваны к неслыханному, внушающему трепет делу — воспитанию преподобного

ребенка. Но как вершилось в праведной семье это деяние? Носились ли родители с дивным чадом, как с писаной торбой, берегли его, как хрустальную вазу, баловали ли его, окружали ли восхищением и поклонением? Ничего подобного. Варфоломей получил трезвенное, истинно православное воспитание — в послушании и труде. В этом была мудрость праведных родителей. К строгости, наказаниям прибегать им почти не приходилось только потому, что сам Варфоломей с радостной готовностью брался за любое порученное ему дело, быстро усваивал трудовые навыки, старался

даже в мелочах не огорчать отца и мать, во всем угождать им. Такой ребенок поистине был родителям утешением, даром Божиим. Отец обучал Варфоломея мужским ремеслам: владеть топором и пилой, запрягать лошадей и пахать землю. Вместе с матерью он работал по дому и научился печь хлеб, шить одежду. Жарким летом посылали его в поле пасти лошадей или косить траву, а студеной зимой — в лес, рубить дрова. Праздность называют матерью всех пороков: Варфоломей сизмальства не знал, что такое праздность и лень. Прошедший хорошую выучку в родительском доме, потому-то впоследствии в

дикой чащобе не пугался он ни зноя, ни мороза, ни хищных зверей, ни изнурительных трудов. Поэтому сумел он поставить себе избушку—келлию и построить храм, раскорчевать лес и развести огород. А потом, сделавшись игуменом, — как «мастер на все руки» подавал он пример братии в любом деле: плотничал и столярничал, пек просфоры, катал свечи, шил одеяния иноческие.

Когда Варфоломей вошел в разум, мать рассказала о бывшем с ним еще до рождения чуде, а потом не раз говорила сыну: *Блуди себя, чадо, ибо ты не наше, а Божие, ибо Господь избрал тебя и назнаменовал*

еще во чреве матери, когда трижды возгласил ты в нем во время Литургии. Боголюбивый мальчик горячо воспринял весть о своей призванности. Бывший постником еще во чреве матери и в грудном младенчестве, теперь он сознательно возложил на себя строжайшее воздержание: по средам и пятницам вообще ничего не вкушал, а в остальные дни питался лишь хлебом и водой. Видя такое его рвение, мать забеспокоилась и начала уговаривать Варфоломея: пусть пощадит себя, пусть ест нормально, пока тело его молодо и нуждается в пище для роста и укрепления.

То был един из редчайших

случаев, в которых человек имеет право воспротивиться родительской воле — когда родители пытаются встать между ним и Богом. И Варфоломей в этом случае не подчинился матери, но как мягко и нежно прозвучало его возражение: *Не препятствуй мне, позволь проводить такую жизнь; не заставляй преслушаться тебя.*

И мать отступила перед этой смиренной просьбой любящего сына. Праведная Мария оказалась достойной Богоизбранного Варфоломея: победила свое материнское пристрастие, земную тревогу о здоровье возлюбленного дитяти и отдала сына его

призванности, на волю Божию. Восторжествовав над естественной, земной родительской любовью ради Любви Небесной, праведная мать и сына избавила от греха непослушания ее слову. Так в любви ко Господу хранилось дивное согласие святой семьи, гармония взаимной любви родителей и детей. Варфоломей беспрепятственно продолжал подвиг поста, казавшийся непосильным для его возраста. Не «калорийное питание», а Сам Господь возвращал и укреплял его. Став взрослым, он отличался силой, которой хватило бы на двух человек. Пост, возложенный на себя ребенком—подвижником, позволил

ему впоследствии спокойно переносить и вольный, и вынужденный голод в Радонежских дебрях.

Дом праведных Кирилла и Марии не был каким-то замкнутым мирком, отгороженным от внешнего мира. Святые супруги прежде всего берегли свой семейный очаг, свою любовь взаимную и старались как можно реже оказываться на *советах нечестивых и на путях грешных* (Пс. 1,1). Им был чужд тонкий бесовский соблазн, которому поддаются некоторые «ревнителю» — прежде созидания собственной души и домашней малой церкви — начинать «светить миру», обращаться с

проповедью к встречным и поперечным, пытаться просвещать дальних, в то время как самые близкие и родные люди остаются обделенными их любовью, как бы ограбленными. Так и семьи таких деятелей мертвеют, и внешняя их активность не приносит добрых плодов, поскольку насквозь фальшива: не может «светить миру» тот, кто не умеет светить близкому человеку своей любовью. Такие «ревнителю» похожи на юродивых дев из евангельской притчи, попусту расточивших масло в своих светильниках и не имеющих света, чтобы встретить Жениха — Христа. Не таковы были праведные Кирилл и

Мария: их семейную жизнь переполняли боголюбие и взаимная любовь, и вот от этого—то избытка изливал их союз свет и доброту во внешний мир. У праведной Марии всегда была наготове краюха свежего хлеба, чтобы подать прохожему нищему, сопроводив подавание улыбкой и добрым словом. У праведного Кирилла был заветный кошель — калита, из которого он щедро помогал попавшим в нужду соседям. А когда их село обращал в пепелище ордынский набег, не только над восстановлением собственного терема, но и над отстраиванием домов других сельчан, в том числе и слуг своих,

трудился с топориком в руках знатный боярин Кирилл, а его боярыня тем временем хлопотала, чтобы накормить и одеть погорельцев. Первым был он, когда нужно было создавать или подновлять храм. Святые супруги всегда были готовы помочь людям в беде и нужде, утешить в скорби. Праведные Кирилл и Мария научились любить Бога и друг друга, обнимали любовью своих детей, потому умели любить и дальних, знакомых и незнакомых им детей Небесного Отца.

Особенно отличалась эта праведная семья страннолюбием. За честь и за счастье почитали они для

себя принять, приветить, угостить благочестивого паломника, идущего поклониться святым местам, странствующего монаха. К инокам относились они благоговейно, почитая ангельский их образ. Далеко распространилась молва о гостеприимном боярском доме, и редко кто из странников, проходивших по Ростовской земле, не заглядывал к ним на огонек. За свои хлеб—соль радушные хозяева получали сладостную награду: рассказы бывалых людей о святынях Иерусалима, Царьграда, Афона, о подвигах и чудесах великих угодников Божиих, древних и современных им. То была небесная

пища, которой гости одаривали праведную семью в благодарность за гостеприимство. И напряженно, словно бы весь обратившись во внимание, впитывал эти рассказы Варфоломей, как бы примеряя на себя высоту жития подвижников благочестия, особенно отцов—пустынников, о которых часто заходила речь. В доме праведных Кирилла и Марии каждого гостя встречали как Ангела Божия — и однажды страннолюбивое семейство сподобилось действительно принять в своем доме Небесного Ангела.

Во всем стремившийся угодить родителям, в одном Варфоломей все же огорчал их, и огорчал глубоко.

Вместе с братьями его послали учиться грамоте. Старший, острый разумом Стефан, блистал своими успехами. Младшенький, Петр, тянулся за ним, и наставники были им тоже довольны. Но вот именно благодатный отрок Варфоломей проявлял здесь непонятную тупость: грамота ему не давалась. Сверстники насмеялись над ним, учителя сурово наказывали, но особенно тяжело было любящему сыну слышать укоризны родительские: в этом случае праведные Кирилл и Мария применяли строгость, думая, что в душе сына появились лень или упрямство и эти сорняки необходимо немедленно выполоть. Очень горько

было видеть святым родителям, что Варфоломей не может овладеть грамотой — ключом к постижению Священного Писания. Горько было это и самому Варфоломею. Мальчик не чувствовал себя виноватым: он изо всех сил старался понять объяснения учителей, до боли в глазах всматривался в значки на пергаменте, но эти знаки не открывали ему своего звучания и смысла, не желали складываться в слова. Он плакал и молился, молился и плакал: тщетно—книжная премудрость ему не давалась. Долго продолжалось это искушение, попущенное Богом.

Как—то родители послали

Варфоломея в поле искать пропавшую лошадь. Во время этих поисков он увидел старца—монаха, стоявшего на молитве под сенью высокого дуба. С благоговением перед иноком, внушенным ему родителями, мальчик дождался окончания молитвы и приветствовал странника. Облик старца был так светел и притягателен, что Варфоломею захотелось поделиться с ним своим детским горем, и он рассказал, как больно ему оттого, что он никак не может научиться читать.

— О грамоте не скорби, ибо даст тебе Господь разум грамоты, паче братьев и сверстников твоих, — отвечал черноризец и подал

мальчику частицу просфоры, вкус которой показался мальчику необычайно сладостным, райским. В сердце Варфоломея проснулась надежда: Милосердный Бог поможет ему преодолеть тупость в учении. А старец стал говорить о путях добродетели, которыми идет человек, хотящий последовать Христу Спасителю. Дивны были его речи, ласкавшие слух боголюбивого Варфоломея. Окончив наставления, инок собрался уходить. Но со слезами стал мальчик умолять странника посетить свой родной дом:

- Родители мои весьма любят таких, как ты, отче!

Да, с честью и радостью встретили праведные Кирилл и Мария желанного гостя, неведомого старца в монашеской одежде. Они стали торопить странника к столу — поесть и отдохнуть с дороги. Но прежде трапезы старец открыл перед Варфоломеем Псалтирь и повелел: читай! Испуганный мальчик пытался отговориться неумением, но черноризец властно повторил свое приказание. Тогда Варфоломей взгляделся в книгу — и внезапно перед его взором прежде непонятные знаки стали складываться в священные слова псалмов. Он начал читать: ясно и плавно, без запинок. Изумленные родители увидели чудо:

их безграмотный сын мгновенно овладел книжной премудростью. Потом отверз уста таинственный инок, предрекая будущее Варфоломея:

- О добрые супруги, удостоившиеся быть родителями такого детища! Сын ваш будет велик пред Богом и человеками ради добродетельного его жития. Отроку сему надлежит сделаться обителем Пресвятой Троицы, дабы многих привести вслед себя к разуму Божественных заповедей.

Старец разделил трапезу с праведным семейством. Проникшись трепетом перед его прозорливостью и духовной силой, праведные Кирилл

и Мария рассказали гостю о страхе, который они испытывают при воспоминании о чуде дивного возглашения младенца Варфоломея во чреве матери, стоявшей в храме, и услышали в ответ:

— Для чего устрашаетесь страхом там, где нет страха, вместо того, чтобы исполниться радостью о данном вам благословении?

Потом они пошли провожать гостя до ворот: и тут он внезапно сделался невидимым. То был Ангел Господень. Небесный вестник посетил страннолюбивую святую семью, чтобы возвеселить праведных родителей и научить их богоизбранного сына не только

грамоте, но и науке высочайшей — смирению, дабы впредь он полагался не на свои ограниченные силы человеческие, а на всемогущую помощь Божию.

С той поры Варфоломей преуспел в книжной премудрости гораздо больше, чем и братья его, и все прежде насмехавшиеся над ним соученики. Он читал Священное Писание и творения святых отцов, и не один внешний смысл, но таинственные духовные глубины Божественного Откровения раскрывались его просвещенному свыше разуму. Он стал лучшим чтецом и певцом в их сельском храме.

Великим утешением было для боголюбивых родителей видеть, как их сын участвует в церковных службах, как постигает он истины Христовы. Великой радостью было для них понимать, как стремительно возрастает Варфоломей в благочестии и высокой духовности, далеко опережая их самих, к чести и славе отца и матери, вырастивших такого сына. Уже никакие тени не омрачали жизнь святой семьи, неустанно благодарящей и славословящей Господа. Но Промысл Божий готовил им трудные испытания, дабы переселить святое семейство в иной край — на великое благо всей Православной Руси.

Беды начались с очередного набега ордынцев — нашествия на Ростовскую землю *великой рати Туралыковой*. Как водилось, шайка Туралыка сожгла и разграбила все, что подвернулось под руку, в том числе и поместье боярина Кирилла. Праведные Кирилл и Мария были к тому времени уже стары и немощны, самим им стало уже не под силу вновь поднимать хозяйство. Зато возмужали сыновья: Стефан, успевший жениться, но, конечно, не отказавшийся помочь любимым родителям, да и пятнадцатилетний Варфоломей стал превосходным работником. Эту-то первую беду они бы перемогли, однако грянула вторая

напасть — горше первой. Великий князь Иоанн Калита расширял власть и влияние Москвы без междоусобиц, без преступного братоубийства, а деньгами, родственными связями, договорами, тонкими политическими расчетами. Однако не всегда так уж хорошо приходилось тем, кто попадал под власть

Москвы—объединительницы.

Так, солоно пришлось ростовчанам, когда Калита подчинил себе их княжество.

Здесь великий князь Иоанн действовал обычными своими методами. Сначала он откупил у обедневших малоземельных князей из Ростовского дома их уделы —

Белозерский и Угличский и тем сузил и ослабил Ростовскую землю. Затем Калита выдал одну из своих дочерей замуж за князя Константина Ростовского и тут же сделал зятя при себе *подручником*, а в Ростов послал своих наместников.

Время было жестокое, и немало было жестоких лихих людей, в том числе и среди слуг Калиты. Таковыми оказались и прибывшие в Ростов московские воеводы, известные под прозвищами Кочева и Мина. Вероятно, свою задачу они видели в том, чтобы «сломать хребет непокорным». Начали они с того, что старейшего ростовского боярина Аверкия, которого уважал весь город,

повесили *стремглав*, — вниз головой, на устрашение прочим. Затем начались поборы. Возможно, Кочева и Мина были еще и своекорыстными людьми. Во всяком случае, для Москвы или в свой карман собирали они подать, но этот сбор больше напоминал грабеж. Ростовчане роптали и говорили о «тиранстве Москвы».

Насилие, которое учинили в Ростове лихие воеводы, не смогло утвердить власть Москвы над этим краем. При преемниках Калиты Ростов снова стал самостоятельным уделом и затеял вражду с Москвой. Тогда сын ростовского боярина Кирилла духоносный игумен

Радонежский пришел в край, где прошло его детство, и тихим, но властным словом духовного увещания смирил Ростовского князя под руку великого князя Московского во имя святого общерусского дела.

Кое—какие средства уцелели у праведного Кирилла после набега ордынцев, но москвичами он был ограблен дочи́ста. Бывший прежде *единым от славных и нарочитых бояр, богатством многим изобилуя*, на старости лет он увидел себя попросту нищим. Что ж, святой Кирилл не роптал — вслед за древним праведником Иовом повторил он: *Господь дал, Господь и*

взял; да будет имя Господне
благословенно! (Иов. 1, 21). При этом
праведному боярину было
несравненно легче, чем
ветхозаветному патриарху: жена
святого Иова малодушествовала и
призывала мужа к безумной хуле на
Бога — жена святого Кирилла,
праведная Мария, ободряла супруга,
и вместе они благодарили Господа
Жизнодавца и за сладость, и за
горечь своей жизни. Как говорит
святитель Григорий Богослов:
*Связанные узами супружества,
заменяем мы друг для друга и руки, и
ноги, и слух. Супружество и слабого
делает вдвое сильнее. Общие заботы
супругов облегчают для них скорби, и*

общие радости восхищают обоих. Для единодушных супругов и богатство делается приятнее, а в бедности само единодушие приятнее богатства. Во внезапном обнищании праведные Кирилл и Мария обрели опору и черпали утешение и радость друг в друге и в Боге. Оставалось у них и еще одно сокровище: рядом с ними были любящие дети. Да, огромное богатство духовное сохранила праведная семья, несмотря на земное свое разорение.

Однако нужно было как-то устраиваться и в земной жизни. Пытаться восстановить дом под Ростовом, чтобы его опять разорили

хищные наместники, не было никакого смысла. Надо было покидать родное пепелище и думать о том, в какое княжество переселиться. Совершилось неожиданное. Промысл Господень привел ростовскую боярскую семью в пределы Москвы—обидчицы.

К счастью, не все слуги Калиты были такие «лихие», как Кочева и Мина. Неведомо, где и как встретился праведный Кирилл с московским боярином Тимофеем Ртищем. Эти двое, оба бывшие *мужами разума и совета*, обладавшие государственным мышлением, сумели понять друг друга.

Тимофей Ртищ создавал в Московских пределах городок Радонеж и правил им от имени малолетнего князя Андрея, сына Калиты. Туда-то и звал он переселиться праведного Кирилла, обещая льготы и всяческую помощь. Верный слуга великого князя Московского, боярин Тимофей видел свою задачу в том, чтобы привести на служение Москве лучших людей: достоинства рода Кириллова были для него очевидны. Праведный Кирилл размышлял. Дело было не в обещанной помощи: льготы знатным переселенцам давали и Тверь, и Суздаль. Тимофей Ртищ рассказывал о своем господине, благоверном

князе Иоанне, и перед праведным Кириллом вырисовывался образ великого правителя, сочетавшего личную доброту с государственной строгостью, высокое благочестие с изощренными политическими действиями. Нет, не своей власти и корысти служил князь Иоанн Калита, которого жестоким и коварным считали удельные «патриоты», — всей Руси служил первый государь Московский, *собиратель земли*. Из бесед с боярином Тимофеем ясно понял праведный Кирилл то, о чем догадывался и раньше: дело Москвы — это общерусское дело, служение ей — служение Святой Православной Руси.

Решение боярина Кирилла переселиться в Московские владения было подвигом безгневия и кротости. О как горька должна была быть его обида! Вся его жизнь, заслуги, честь и слава, скопленное тяжким трудом достояние — все это было в один миг потоптано и поругано московскими лихоимцами. Из-за москвичей в немогущей старости вместо почета и покоя познал он унижение, позор, нищету. Но праведник не держал обиды на Москву. Духовное величие святого Кирилла в том, что он сумел не просто простить и забыть, а понять и полюбить. Это понимание святости дела Государей Московских,

зиждущуюся на любви к отечеству преданность этому делу внушил он своим сыновьям.

Какой доблестный род привел к служению Москве мудрый Тимофей Ртищ! Какие судьбоносные следствия проистекли для Русской земли из переезда разоренной ростовской семьи в Радонеж!

По старости праведный Кирилл уже не мог вершить свое боярское служение. Но, как говорит святитель Иоанн Златоуст, *если ты прекрасно воспитал своего сына, то он — своего, и как бы некая полоса лучших жизней пойдет вперед, получив начало и корень от тебя и принося тебе плоды попечения о потомках.*

Служение

Московскому

княжеству взял на себя старший сын праведного Кирилла боярин Стефан. Его отец верно служил князьям Ростовским, а у Стефана была еще и уверенность в правости московского объединительного дела, участвовать в котором ему довелось. По слову жития, *Стефан был в числе главных вельмож, славился великими заслугами, но особенно отличался своим благочестием.* А сменив боярский кафтан на иноческое одеяние, ратный меч — на жезл архимандрита Московского Богоявленского монастыря, преподобный Стефан стал духовником великого князя Симеона

Гордого. Точно так же внук праведного Кирилла и сын преподобного Стефана святой Феодор явился духовным отцом Государя Московского благоверного князя Димитрия Донского.

Величайшим даром праведных Кирилла и Марии Руси Святой был их благодатный сын Варфоломей, в иночестве

Сергий, в служении земном игумен Радонежский, в небесной славе — Всероссийский игумен. Он явился не воином в земных бранях, а богатырем духовным; просиял не мудростью на боярских советах, а премудростью Божественной. Это он, облеченный силою свыше,

смирял на Руси мятежи: не оружием, а тихим кротким словом склонял под объединяющую руку Москвы гордый Суздаль, коварную Рязань, свой родной упрямый Ростов. Это он создал для благоверного князя Дмитрия Донского семейный очаг, подобный благодатному союзу своих собственных родителей, — даровав великому князю в жены свою духовную дочь, преподобную Евдокию — Евфросинию. И не благодаря ли этой опоре на любовь святой супруги выстоял благоверный Дмитрий в своем многоскорбном, нечеловечески трудном служении Руси? А когда пробил час Русской земле восстать против ордынских

насилий, это он, Преподобный
Сергий Радонежский, благословил
князя Димитрия на куликовский
подвиг и своей могучей молитвой
осенил русское воинство в битве с
полчищами Мамаю. Отказавшись от
всех благ этого мира ради любви к
Всевышнему, Преподобный Сергий
не вступал в земной брак и не имел
кровных детей, но создал
величайшую семью святорусскую.
Его духовные дети и внуки, правнуки
и праправнуки осваивали дикие края
и зажигали повсюду светильники
духа, воздвигали Русь на победы над
лютыми врагами, возглавляли
Русскую Церковь. Он стал
Всероссийским игуменом — отцом—

наставником русского на-рода Божия. И во времена страшнейших бедствий на помощь своему земному отечеству является с небесных высот он, Чудотворец Сергей, сын праведных Кирилла и Марии.

Некогда праведный Кирилл, заседая в Ростовской боярской думе, мучился своим бессилием при виде пагубного разделения Руси, но вот, воспитанный им сын, Преподобный Сергей Радонежский, своим духовным подвигом сумел преобразить к лучшему весь ход русской истории. Так из скромного светильника праведной семьи, из смиренной брачной любви воссиял светоч, озаривший необозримые

земли, пронизавший века, просвещающий и согревающий сердца многомиллионного народа.

В тихом радонежском захолустье клонились к закату дни праведных Кирилла и Марии. Без прежнего богатства, но вполне уютно сумели они устроиться на новом месте. Святая семья поселилась рядом с храмом Рождества Христова — близость дома Божия радовала благочестивые души. Вслед за уважаемым и любимым всеми боярином Кириллом, доверяя его выбору, потянулись в Радонеж и другие ростовчане: его слуги, друзья, соседи. Так образовалось в этом

подмосковном городке ростовское землячество: люди крепкие, серьезные, благочестивые. Двое сыновей праведных Кирилла и Марии, Стефан и Петр, женились, и родители радовались, что их сынам достались добрые жены, умилялись, видя своих внуков. Но все-таки, как говорят в народе, женатые сыновья — это «отрезанные ломти»: по слову Писания, оставляют они отца и мать и прилепляются к женам своим (см. Быт. 2, 24). Не мирские семейные дети, а неотмирный Варфоломей сделался опорой праведных родителей. Старческие силы святых Кирилла и Марии уже не позволяли им вести хозяйство, а у благодатного

юноши, послушного и работающего, любое дело горело в руках. Отец и мать любовались им, ревностным в труде и молитве, и ликовали, видя, как его душа расцветает в боголюбии. Поистине Варфоломей сбывался для них *Сыном утешения* — *посохом старости* и радостью духовной.

Но вот сравнялось Варфоломею двадцать лет, — и однажды затеял он разговор, которого старики-родители давно ждали и боялись. Он просил их благословения на принятие монашества. Выше любого звания ценили праведные Кирилл и Мария ангельский образ иноческий, ничего лучшего не хотели для

любимого сына, понимали, что в этом его призвание, но горько было им остаться без поддержки среди немощей и болезней, перед лицом близящейся кончины. Варфоломей был еще молод, в таком возрасте, казалось, рановато приступать к иноческому подвигу: он мог подождать. И родители попросили жалобно:

— Помедли. Мы стары, немощны и скудны; братья твои заботятся о своих женах. Хорошо, что ты печешься, как угодить Богу; только послужи нам немного и проводи нас в гроб, тогда исполнишь твое желание.

Со страхом ждали они ответа

сына. Варфоломей имел полное, священное право сказать «нет» и уйти: его звала любовь более высокая, чем сыновняя любовь. Но благодатный сын сказал «да» — он остался в отчем доме. Он превозмог пламенное свое желание уединиться с Богом — ради послушания и милосердия к родителям. Он согласился подождать, до времени смирил порыв своего сердца, для того чтобы наследовать сокровище родительского благословения. Любовь небесная зиждется на любви человеческой: святой юноша смирился с промедлением на пути к высшему совершенству, чтобы не исказить этой священной основы.

Сын утешения оставался рядом с праведными Кириллом и Марией. Это было наградой им за заботу о его возрастании в боголюбии, за бережность к его высочайшим духовным стремлениям. Гармония семьи, основанная на воспитании детей в благочестии, осталась ненарушенной. По сути, Варфоломей уже в родительском доме проводил жизнь монашескую. Никто не мешал его суровому постничеству и ночным молитвенным бдениям. Он был в послушании у праведных родителей, как монастырская братия послушествует игумену. Его рукоделием было ведение хозяйства семьи, как иноки трудятся ради нужд обители.

У домашнего очага царило
единодушие во взаимной любви и
стремлении к Всевышнему. Малая
церковь праведной семьи была
подобна и малой обители,
домашнему общежительному
монастырю. Недаром впоследствии
Варфоломей, минуя обычно
необходимую ступень
общежительного монашества, сумел
сразу подъять труднейший подвиг
отшельничества.

Будущий Радонежский игумен в
дивном согласии святой семьи,
созданной его родителями, черпал
уроки отцовства. Имея перед глазами
пример праведных Кирилла и Марии,
их зрячей любви к детям, он

воспринимал образ родительского чувства, необходимого для того, чтобы стать истинным духовным отцом иноческой братии, а затем воспринять в сердце как родных детей всех сыновей и дочерей Русской земли. Подобно святым родителям, отличался Радонежский игумен и радушным гостеприимством—страннолюбием, и милосердием к бедным и страждущим. И при всей неотмирности облика Преподобного Сергия — в нем будут сквозить черты семейственности: в смиреннейшем самоотверженном послушании старшему брату Стефану и трогательной привязанности к

юному племяннику Феодору.

Иноческий настрой души Варфоломея сообщился и его праведным родителям. Незадолго до кончины праведные Кирилл и Мария приняли иноческий постриг в Хотьковском Покровском монастыре (в те времена высокого, недоступного никаким соблазнам благочестия еще бывали на Руси монастыри, имевшие мужское и женское отделения). Для боголюбивых супругов облечение в монашеский образ было простым и легким переходом с одной ступени святости на другую: от мирской земной праведности — к ангельскому небесному преподобию.

В уединенных келлиях предстоя Вселюбящему Богу, окончательно высветляли они свои души и готовились к счастливейшей встрече друг с другом в обителях Отца Небесного.

В то же время жестокое горе постигло их старшего сына Стефана: умерла его любимая жена. Не желая для себя более никакого земного счастья, храня верность своей покойной Анне, Стефан отрекся от мира и принял монашество в том же Хотьковском монастыре, где довершали свое земное житие его родители. Перед кончиной святые Кирилл и Мария были утешены близостью двух любимых сыновей и

могли быть спокойны за них: оба стояли на прямом пути в Горняя. Так в любви, мире и покое в стенах святой обители преподобные Кирилл и Мария предали свои чистые души Пречистому Богу. На земле связанные союзом совершенной любви, они и в вечность Божию перешли вместе, *один после другого*. (Так в восточных сказках о супружеском счастье говорится: «Они жили долго и умерли в один день».) Совершив по родителям сорокадневное поминовение и раздав на помин их душ милостыню нищим, Варфоломей и Стефан ушли в глушь Радонежских лесов — навстречу своим высоким поприщам. Перед

уходом Варфоломей позаботился о том, чтобы передать завещанное ему родителями наследство: дом, хозяйство и немного денег младшему, семейному брату Петру.

В истории праведного семейства образ Петра остается как бы в тени. Он был смиренным служкой старших братьев—иноков. Он взял на воспитание двух детей Стефана, когда тот принял монашество. Пробираясь сквозь лесную чащобу, он носил хлеб старшим братьям, а потом и оставшемуся в одиночестве Сергию—Варфоломею, на отшельническую Маковицу. Петр был семьянином: он создавал свой домашний очаг, собственную малую

церковь по примеру святорусской семьи своих родителей, праведных Кирилла и Марии. Возможно, и сейчас среди нас живут его потомки — кровинки Кириллова рода, сродники Преподобного Сергия Радонежского.

Посетив семью ставшего на путь правды мытаря Закхея, Христос Спаситель возвестил: *Ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19, 9). Так деяние одного человека может возвысить и спасти всех его близких, и земное наше родство, и земная наша любовь может просиять навеки в Царстве Божиим.

В Хотьковском Покровском монастыре донныне хранится икона

дома Кириллова. На этом образе Пресвятая Богородица благословляет гробницу преподобных Кирилла и Марии и стоящих подле нее семейных их: Преподобного Сергия Радонежского, преподобного Стефана с женою Анной и Петра с его супругой Екатериной. Все члены этого благодатного родственного союза взаимно украшают, дополняют, просветляют друг друга и сияют общим духовным сиянием. Вот древо великое святорусской семьи, принесшее неисчислимыя плоды духовные.

В житии Преподобного Сергия мы читаем: *Господь, благоволивший такому светильнику воссиять на*

Земле Русской, не попустил, дабы
благочестивая отрасль сия возникла
от неблагоговейного корня, и
преподобному младенцу приготовил
достойных ему родителей, украсив
их всякою добродетелию, дабы
взаимно умножилась похвала и
родившегося, и родивших во славу
Божию! В своей святой семье
Преподобный Сергей от
материнского чрева до зрелых лет
дышал чистейшим воздухом
праведности, закалявшим его душу
для постижения духовных вершин.
Любовь и благочестие родительские
окрылили его для полета в Горняя.
Подвиг честного брака
(человеческой взаимной любви,

освященной Богом и к Богу устремленной), совершенный преподобными Кириллом и Марией, стал опорой для подвига иноческого (чистого боголюбия, расширяющего сердце и до Божественной любви ко всем людям), который совершил их великий сын. Праведные родители вывели Преподобного Сергия на прямой путь, ведущий к Всевышнему, и расчистили перед ним этот путь: без этого он не смог бы подняться на такие невероятные высоты духа.

Человек может преодолеть и дурное воспитание, если по милости Божией душа его проснется для Вечной жизни. Но непотребные

впечатления, полученные в беззащитном детстве и страстной юности, пятнают его ум и сердце. Он уже засорен соблазнами и грехами. Всемилостивый Бог через покаяние открывает для каждого грешника путь ко спасению, даже к святости. Но память грешника—это «минное поле», могущее в любой момент взорваться нечистыми воспоминаниями. А Пречистый Господь требует от человека совершенной чистоты чувств и помыслов. Тяжкий, многоскорбный путь предстоит кающемуся, обремененному памятью о грехах юности, чтобы очистить свое сознание. Так преподобная Мария

Египетская семнадцать лет боролась в пустыне с воспоминаниями своего греховного прошлого, прежде чем освободилась от соблазна. Такой путь к Господу может стать высоким, но он уже не прям: на нем человек то и дело оступается, скатывается вниз и должен вновь и вновь подниматься и карабкаться к Горней вершине. А семейный очаг преподобных Кирилла и Марии защитил будущего Всероссийского игумена от всего непотребного: память Преподобного Сергия была чиста, он мог не оглядываться назад, не тратить силы на борьбу с прошлым, а сражаться только с семенем первородного греха в себе и

демонами вовне, поднимаясь все выше. Если употребить сравнение из области авиации, то родители обеспечили ему стартовую площадку для вертикального взлета. Вот почему величайшим Своим избранникам, предназначенным для высочайших деяний, спасительных для государств и народов, Господь дарует благочестивых родителей.

Каким скромным, каким незаметным для мира кажется подвиг честного брака. Всего два человека, муж и жена, любящие друг друга и молящиеся вместе перед домашними иконами, — какое значение может это иметь, чем они могут помочь людям, отечеству,

человечеству? Но вот, неожиданно для всех из этих чистых родников изливаются могучие полноводные реки, преображающие и освящающие мир.

Радонежский игумен часто ходил из своей Лавры в Хотьково, чтобы почтить память родивших и воспитавших его; на некоторых иконах Преподобный Сергей изображен молящимся с кадилом в руке у могилы родительской. Духовный богатырь Святой Руси, Преподобный Сергей Радонежский знал и помнил свой исток, навеки остался благодарным преподобным Кириллу и Марии. Он завещал: *Прежде, чем идти ко мне,*

помолитесь об упокоении моих родителей над их гробом. И многие поколения паломников, прежде чем идти в Троице–Сергиеву Лавру, заходили в Покровский Хотьковский монастырь, брали благословение от могилы отца и матери Всероссийского игумена.

Народное почитание святых Кирилла и Марии, как и самого Преподобного Сергия, началось сразу же после их кончины. К ним прибегали болящие с просьбой об исцелении, — и преподобные супруги, милосердные к людям при земной жизни, помогали страждущим и с Горних высот. В летописях Хотьковского монастыря

немало свидетельств о чудесах, совершившихся по их предстательству. Молебнами у гробниц праведных Кирилла и Марии было остановлено моровое поветрие, опустошавшее Россию в 70-х годах XVIII века, в уже позапрошлом столетии их заступничеством дважды прекращались эпидемии холеры. В прошлом веке честная гробница родителей Преподобного Сергия была скрыта благочестивыми людьми от большевистского поругания, а ныне вновь предстает верующим, дабы они могли черпать небесную помощь и утешение от благодатной любвеобильной четы.

Честной брак — это христианский подвиг. Сквозь испытания будничными трудами и долгими разлуками, богатством и нищетой, честью и унижениями, страстями юности и немощами старости праведные Кирилл и Мария пронесли и возрастили в чистоте свою взаимную любовь, запечатленную любовью ко Всевышнему. Они сберегали свои души от охлаждающего влияния времени, от мирской суеты, от тщеславия в благополучии, от уныния в бедах, всегда оставаясь теми же верными друг другу и Господу, милосердными к людям. Союз святых супругов увенчался

воспитанием их детей в праведности и благочестии, духовным рождением их для Царства Божия.

Преподобный Григорий Цареградский, которому было явлено видение будущего Страшного Суда над грешниками и небесного воздаяния праведным, узрел и торжество святых супружеских пар: Господь призвал полк, прекрасный весьма: лица были, как цвет розы, одежды были, как снег из лепестков. Это мужи и жены, честно жившие в супружестве. Усердно посещали они храмы Божии, усердно молились Богу и делали дела милосердия. Милостиво принял их Господь, обласкал, говоря: «Приидите,

возлюбленные Мои, наследуйте Царство, уготованное вам от сложения мира». Так дорог в очах Всевышнего подвиг честного христианского брака, умножающий в мире святую любовь, воспитанием детей в чистоте и благочестии приводящий к лучшему новым поколениям.

Дорогие во Христе братья и сестры!

Святорусская семья, воплощением которой являлся брак преподобных Кирилла и Марии, не должна остаться для нас только преданием седой старины. В лице этой светлоплодовитой двоицы современной России дарованы

Небесные покровители семейной жизни. На домашнюю малую церковь диавол нацеливает свои злобные полчища. Зная, как губительно разрушение семьи для обществ и народов, для спасения душ человеческих, святитель Иоанн Златоуст предсказывал: когда подвергнутся порче союзы мужей и жен — *низвратятся города, а затем весь мир должен наполниться смутами и войнами.*

Горька история разрушения святорусской семьи. Эта горечь сейчас наполняет наши сердца, растлевает наш народ, убивает души наших детей. От этого горького яда непонимание и даже ненависть

пролегает между поколениями,
жестокостью пропитываются
человеческие отношения,
непотребством и скотством
подменяется святая любовь.

* * *

Выход женщин из терема в
«свет» — на балы и в салоны —
пробудил в них гордыню падшей
Евы. Они стали являться в общество
полуобнаженными, делаясь
объектами зрительного блуда,
сознательно или бессознательно
разжигая похоть посторонних
мужчин. Между ними началось

соревнование в роскоши и бесстыдстве нарядов. Женские тряпки и побрякушки стоили бешеных денег. Угождая тщеславию своих жен, чиновники делались казнокрадами и взяточниками, а помещики «выжимали последний пот» из крепостных крестьян, разоряя народ. От подобных-то явлений и предостерегал древнерусский «Домострой», призывая смирать гордыню падшей Евы.

Книжный рынок заполнили французские бульварные романы, западным соблазнительям стала подражать и российская словесность. Главный темой романов был

адюльтер — воспевались супружеские измены, и чем с большим литературным мастерством это описывалось, тем было гнуснее. И в литературу, и в живопись все более внедрялось явление, которое мы сейчас называем позорным словом порнография.

В XIX веке с Запада на русскую почву было перенесено движение так называемой эмансипации — борьбы за женское «равноправие». Провозглашавшееся эмансипантками участие женщин в политике, науке и искусстве так и осталось скромным. Зато пышно процвело «равенство» женщин с мужчинами в смрадном грехе — они отстаивали «право на

блуд». Об этом извращении понятий православный мыслитель А.С. Хомяков замечал: с точки зрения духовной, «блудник в брюках так же гадок, как блудница в юбке». Слабый пол искал равенства с сильным в мерзости. Российская художественная интеллигенция переняла нравственную распущенность западной богемы. В русских коммунах и революционных кружках «борьба с самодержавием» соседствовала со свальным развратом. Еще одним следствием эмансипации стало появление женщин-убийц, террористок: этим «героиням» аплодировали русские либералы. В числе убийц царя—

мученика Александра П.
освободителя крестьян, была
террористка Геся Гельфанд,
носившая во чреве ребенка. Более
чудовищное надругательство над
женской природой трудно себе
представить.

Разложению подвергались в
основном нравы российской
интеллигенции; купечество и
крестьянство еще хранили святую
веру и крепкие семьи. Захватив
власть, богоборцы—большевики
обрушились на домашнюю малую
церковь. В полном соответствии с
теорией Маркса—Энгельса они
собирались строить общежития, где
мужчины и женщины жили бы

отдельно, сходясь лишь для беспорядочных связей, а детей передавали на воспитание государству. Коллонтай, одна из лидерш женского правительственного органа (который сами большевики прозвали «Центробаба») - выдвинула тезис, по которому связь между мужчиной и женщиной уподоблялась «стакану холодной воды в жаркий день». Революция ознаменовалась пошлым развратом и массовыми венерическими заболеваниями, в том числе среди детей.

Впоследствии большевикам пришлось отступить от «чистоты марксизма» в этом вопросе.

Бредовые попытки совершить всемирную революцию потерпели крах. В России сам народ воспротивился тотальному поруганию семейной любви, столь дикому опошлению богозданных человеческих отношений. Пришедший к власти Сталин, при всей своей жестокости, был правителем монархического типа. Он собирался создавать сильное государство и понял, что это невозможно без опоры на семейный уклад. Началась пропаганда социалистической семьи; партийных деятелей стали даже наказывать за «аморалку». Однако такая семья не была и не могла стать прочной.

Подменой Таинства штампом в паспорте, богоблагодатного освященного союза — бюрократической «ячейкой общества» исковеркана была живая душа семьи.

Вместо светлой устремленности взаимной любви в вечность в атеистическом браке уже заложено понятие его конца, смерть. Это вносит ущербность и обреченность в существование даже внешне благополучных союзов такого типа. Брак, основанный не на духовных, а на плотских или душевных опорах, предназначен тлению; он может даже вредить человеческим душам, расслабляя их в домашнем уюте и

препятствуя стремлению к Высшему. Вот почему в очах Церкви невенчанное супружество, не имеющее ценности для Небесного Царства, приравнивается к незаконному сожителству.

Ограничиваясь регистрацией в ЗАГСе, каждый из супругов волей или неволей имеет заднюю мысль о возможности развода. Сама допустимость измены и смены становится трещиной в единении двоицы. Муж и жена уже не ощущают единственности своей взаимной любви и взаимного призвания. Эта трещина даже от малейшего из неизбежных испытаний и искушений может

привести семью к распаду.

И сколько жестокости, подлости и грязи, сколько человеческой скорби таится в цифрах холодной статистики разводов в «социалистических обществах».

Влюбленность или молодая страсть — чувства очень хрупкие, если не сопряжены с пониманием святости брачного союза и готовностью к взаимному служению. Здесь материализм часто оборачивается дурным идеализмом. Поначалу ослепленные внешними Достоинствами друг друга, супруги постепенно обнаруживают друг в друге и недостатки — и наступает разочарование. Если нет

христианского стремления *носить немощи* любимого человека, любовь умирает, приедается или вянет телесная красота, исчезает душевный интерес, и от молодого огня остается только зола. По замечанию схиигумена Иоанна Валаамского, *пламенная любовь без религии очень ненадежна.*

В обезбоженных обществах большинство брачных союзов оскверняется еще до их заключения. Осмеиваются девичья честь и целомудрие. Для юношей добрачный «опыт» вообще выставляется некоей доблестью. Начинают искать любовных приключений и девушки, «чтобы потом было, что вспомнить».

Все эти добрачные романы пятнают чистые одежды супружества, ложатся шрамами на семейные отношения. Воображение развращено, в памяти всплывают соблазнительные картины прошлого. Даже если сохраняется внешняя верность, остается внутренний «душевный блуд». Доходит и до блуда «духовного» — прелюбодейных помыслов: «не на той женился» или «не за того вышла замуж». А если супруги еще и знают о прошлых романах друг друга, это при отсутствии христианской готовности прощать и миловать становится неисчерпаемым поводом для взаимных упреков, подрывает

веру и доверие, разъедает любовь.

Даже там, где супругам удается уберечься от развода, наблюдается печальная картина—множество омертвевших семей. Взаимная любовь мертва: ее подменила тупая привычка. Двое любящих выродились в соседей—сожителей, имеющих общих детей и ведущих общее хозяйство. Такая супружеская жизнь чаще всего проходит во взаимном брюзжании и раздражении; но даже если отношения остаются взаимно вежливыми, — это не имеет ничего общего с чудом и тайной истинного брака.

Неосвященный брак беззащитен.

Без благодатного покровы Божия домашний очаг доступен и тлетворным внешним ветрам, и внутренней порче. К сердцам супругов, не охраняемых благодатью, приражаются демонские внушения: ревность, гнев, раздражение, уныние, скука, — чувства, разрушающие любовь. Извне вторгаются нечистые впечатления и соблазны, чужая злоба и зависть: *мир, лежащий во зле*, стремится растоптать любовь. Подвиг честного брака — от юности до кончины пронести взаимную любовь в чистоте и умножающейся красоте — возможен только в лоне всемогущей Божественной любви.

Сатана подверг домашнюю

малую церковь всесторонней атаке. К срыванию с брака покровы Божественной благодати добавилось извращение женской природы.

В 1909 году благочестивому мирянину Н.Н. Рышковскому было явлено страшное видение: шествие разрушителя. Он слышал «инструкцию» князя тьмы Люцифера, обращенную к демонским легионам: Есть одна самая неприступная крепость у людей. Это — материнство: обновление потомства и его воспитание. Если не возьмете, не покорите этой твердыни — все напрасно, ибо не успеете справиться с одним поколением, как вырастет

новое, и воспитается против нас
новая ста. В женщине надо взять нам
человечество в его настоящем и
будущем, взять его целиком. Ловко и
умело издевайтесь над женщинами и
задевайте их самолюбие. Все то, что
в женщине — великая ста и свет,
представляйте в глазах ее бесстием и
постыдным малодушием. Тогда
женщины пойдут напролом
оспаривать у мужчин их права, и
женская душа уподобится мужской.
Вся ста обаяния, нежной ласки,
женственной скромности и той
Божественной привлекательности,
развивающей возвышеннейшее
чувство красоты и совершенства,
которыми обладает женщина,

пропадут сами собой, и мы в женщине будем иметь верную нашу рабу и союзницу...

И вдруг ужаснулся Люцифер и скорчился, как бы от сильной боли. С высоты неприступной проник в преисподнюю, как молния, луч чистого света и поразил тьму, и рассеял мрак. То было напоминание Люциферу о его безумном бессилии и бесконечном милосердии Творца. И промелькнул перед иступленным взором Люцифера светоносный лик Пречистой Девы — Матери Агнца, неусыпной вечной Хранительницы и Заступницы чистоты и материнства женщин.

Обезбоженная страна отвергла

Покров Пресвятой Богородицы.
Словно следуя «диавольской
инструкции», большевики довели
пресловутую эмансипацию до
крайних пределов. В качестве
женского идеала выставлялись
мужеподобные «ударницы
коммунистического труда».
Надрывая свое нутро,
«равноправные» женщины
становились землекопшами и
грузчицами, в три погибели гнулись
над конвейерами и дышали
ядовитым зловонием химических
производств. Разложение основ
семейственности обрело множество
женщин на одиночество, и они
должны были сами зарабатывать

себе на жизнь. А в существовавших семьях из-за социалистической уравниловки даже работающий муж часто оказывался не в состоянии один прокормить жену и детей.

К тому же быть на положении иждивенки для женщины считалось позором. Вдобавок, уже по традиции, эти «производственницы» еще и волокли на себе домашнее хозяйство, преждевременно старея и превращаясь в изнуренных жизнью кляч. Ни на любовь к мужу, ни на материнскую ласку и воспитание детей не оставалось сил. Советские женщины досыта вкусили горьких плодов «равноправия».

За поруганием брака и

материнства, естественно, последовало надругательство над детством. Материалистический, то есть скотский, взгляд на отношения мужчины и женщины привел к настоящему зверству в отношении к детям. На ребенка стали смотреть не как на величайшую радость и дар Божий, а как на побочный и часто нежелательный продукт животного удовольствия. Отсюда несметное множество полусирот из распавшихся семей, еще кошмарнее — поистине демоническое превращение женщин—матерей в женщин—детоубийц, абортниц.

Церковь с незапамятных времен знала: жизнь нового человеческого

существа начинается с момента его зачатия. В наше время это точно и наглядно установлено наукой; даже снят жуткий фильм «Немой крик», в котором запечатлено, как абортируемый из чрева матери младенец отчаянно и беспомощно пытается избежать смерти. Чтобы понять ужас такого убийства, нужна лишь минимальная духовная чуткость. Так, советский поэт Д. Кедрин писал своей жене, сделавшей аборт: *Мне страшно с тобой вдвоем.* Даже тиран Сталин объявил аборт уголовным преступлением. В католической Австро–Венгерской империи женщину, сделавшую аборт, приговаривали к смертной казни.

Наше обезумевшее общество возмущается преступлениями какого-нибудь гангстера или маньяка; к абортам же относятся проще, чем к операции удаления гланд. А ведь зарезать ребенка в колыбели или в материнской утробе — это одно и то же.

Женщины не желают рожать или ограничиваются одним-двумя детьми, поскольку новый ребенок потребует забот и расходов. Вдобавок нынешняя пресса усердно внушает: в наши дни вырастить ребенка очень дорого. Но никакая нужда не оправдывает детоубийства. Господь пропитает дарованное Им дитя (и вовсе не обязательно

заворачивать его в шелковые пеленки и покупать ему дорогие игрушки). А сейчас из-за преступлений женщин-детоубийц и их соучастников-мужчин началось вымирание русского народа: смертность в России превышает рождаемость. В древности язычники приносили своих младенцев в жертву чудовищным идолищам — Молоху и Ваалу. Точно так же в наши дни беззащитных детей убивают на алтарях поганых демонов блуда и животного благополучия. Миллионы душ погубленных младенцев вопиют к Небесам. Это один из страшнейших, гибельнейших грехов современной России.

При всей своей ущербности и иска-леченности «социалистическая семья» все же хранила искры живого чувства: то был последний, хоть и шаткий, бастион любви и духовности в обезбоженном обществе. Теперь диавол ведет новое наступление, чтобы разрушить домашние очаги «до основания».

Бездуховность и безответственность брака, на протяжении жизни нескольких поколений насаждавшиеся богоборческим режимом, подготовили почву для нынешнего вторжения вселенской злобы. Демоны блуда, липкие и наглые, навязчивые и бесстыдные,

набрасываются на человека на каждом шагу. С экранов кинотеатров и телевизоров, из газет и книг, с рекламных картинок и целлофановых пакетов лезет в глаза грязный соблазн. По улицам разгуливают девушки и женщины, одетые, как блудницы; пропагандируется сама «профессия» публичной девки. На всеобщее обозрение выставляются гнуснейшие виды противоестественного разврата (на всю страну по телевидению был показан фильм, воспевающий скотоложство). Под всю эту мерзость подводится «теоретическая база»: фрейдизм, индийский эротический культ, бесчисленные пособия по

сексологии. А ведь порнографический «бум» — это лишь один из множества элементов теперешнего адского нашествия. Но и одного этого отряда духов злобы может хватить на то, чтобы превратить нашу молодежь в скопище бесноватых, «сексуально озабоченных» существ. Цель дьявольского плана — распылить общество на непотребные, с опоганенными телом и душой «атомы», неспособные ни к взаимной любви, ни к материнству и отцовству, ни тем более к служению Вселюбящему Богу. Если этот замысел удастся, Россия погибнет уже в ближайшем поколении.

Вокруг меня котлом кипела позорная любовь, — говорил блаженный Августин о современном ему языческом обществе. Да, это типичный сатанинский фокус: подменить святое значение слова «любовь» гнилой романтикой сладострастия и порока. В нынешнем мире, все гуще и гуще опутываемом бесовской ложью, призвание воинов Христовых — явить в чистоте и красоте истинную христианскую любовь, которая в супружеских союзах окрыляет любовь брачную.

После шестисотлетнего народного почитания лишь в наши дни состоялось общецерковное прославление преподобных Кирилла

и Марии, *доброго образа честного супружества*. Это означает, что сейчас нам особенно необходимо их покровительство, небесная помощь великих в смирении супругов в утверждении христианского брака.

Подвиг создания домашней малой церкви является сейчас одним из важнейших, возможно, и самым главным для православных мирян. Никакие внешние громкие дела: ни благотворительность, ни милостыня, ни политический патриотизм — не заменят этого тихого, насущного для всей Русской Церкви делания. По слову апостольскому, верный должен уметь любить человека, которого видит каждый день, иначе он лжет,

когда говорит, что любит Незримого Бога. Без живой, Господом заповеданной любви к самым родным и близким людям и выполнение церковных обрядов, и посты, и молитвы, и высокие духовные порывы останутся пустым фарисейством, ложью. Во имя спасения собственной души и душ ближних, во имя спасения родины призваны православные супруги вершить подвиг честного брака.

Как зеницу ока надобно беречь сокровище домашних очагов. Всей силой смиренной и милующей любви должно делать это. Разорение домашней церкви есть поругание храма Божия. Нельзя допускать не

только разрыва, но и омертвения взаимного чувства. Нужно пробуждаться душою друг ко другу, научиться сквозь все наслоения, недостатки, даже пороки вновь и вновь прозревать в своем избраннике святой и прекрасный образ Божий. Вспомним, что души всех нас и с к а л е ч е н ы з л о й наукой бездуховного общества, и будем милостивы, научимся понимать, переносить и врачевать немощи наших любимых. Не судить и казнить друг друга призваны двое любящих, а помочь возлюбленному освободиться от сетей, которыми опутала его вселенская злоба, и просиять в Божественной красоте. Нужно

помнить, что каждый человек — это чудесное творение Всевышнего, нужно уметь любоваться им и возвышать его милосердной любовью.

Трудно бывает супружеское служение, часто требует оно великого терпения, кротости, самопожертвования. Но этот труд вознаграждается сторицей. Среди мирской злобы почти невозможно выстоять в одиночку. (Не многих призывает Господь к прямому служению Себе, на путь иноческий, а без призвания свыше нельзя человеку браться за этот тяжелейший крест — он только надорвет свои душевные силы.) Твердой опорой на

жизненной дороге к Небесам является для любящих супругов священный союз двоицы. Так и под леденящие ветра мира выходит человек одетым в тепло семейного очага, и возвращается из мутного моря житейщины на домашний остров благодати, и удваиваются его силы в перенесении бед и скорбей. Недаром поэт Новалис заметил: *Я верю лишь вдвоем.* Благо тому, чей дом стал малой церковью под покровом Всемогущего и Всемиловитого Создателя.

Нужно помнить и то, что разрыв или искажение супружества — это предательство в отношении человека, доверенного тебе Богом. В

Таинстве Брака заключена и величайшая ответственность. На Страшном Суде Господнем тот, кто занимался только собой или внешними делами и пренебрегал душой самого близкого человека, услышит вопрошание, некогда обращенное Богом к братоубийце Каину: «Где брат твой? Где сестра твоя?»»

Исковерканное супружество означает искалеченные детские души. Ребенок—венец, радость и торжество благодатной любви двоицы, но он же и грозный обличитель и судья родительского беззакония. Полусироты из распавшихся семей ограблены, дети

из семейств неблагополучных обворованы родившими их. Страшно, когда на чистой детской душе отпечатывается «взрослая» грязь и злоба — мерзость родительских похождений или ужас семейных скандалов. Отец и мать для ребенка — единственны, уже не по его выбору, а по их призванности свыше: не от посторонних «дядей и тетей», а от родных отца и матери ждет он истинного добра, и горький ответ Всевышнему дадут родители, надругавшиеся над невинной и беззащитной детской душой. Гармония взаимной любви родительской — вот та благодатная почва, которой требует дитя, чтобы

возрасти для любви человеческой и небесной.

Нынешний внешний мир напоминает преддверие ада: настолько яростно и многообразно в нем бурление греха и соблазна. Для юных, еще не окрепших душ демонские легионы расставляют ловушки на всех уровнях. Для тех, кто не соблазнился грубо животными приманками разврата, насилия, наживы, расставлены капканы «черной духовности»: от магии и астрологии до экзотических восточных религий и изысканного рерихианства. А самых лучших, тех, кто сквозь все преграды стремится к Свету Христову, заманивают в свои

сети искажители христианства: протестантские секты, раскольники, разнообразные неправославные «конфессии и деноминации» — «на все вкусы». Равнодушествовать и малодушествовать, отдавая наших детей на произвол мирской скверны, — это преступление. Только воспитание в православных семьях может уберечь молодежь от всей этой грязи и лжи. Семья должна стать очагом молитвы, той крепостью, за стены которой не сможет проникнуть внешнее беснование. И во внешнем мире да охраняют детей молитвы материнские и отцовские. Долг родителей — в домашней церкви

облечь своих детей в оружие Христовой истины и Божественной Любви, привести их под Всеспасающий Покров Божий, чтобы не погибли их души, чтобы выстояли они в духовной битве.

Из времен отдаленных является нам образ святорусской семьи: счастливый и плодотворный союз праведных Кирилла и Марии. Многие грехи века сего нужно нам преодолеть, чтобы вернуться к этому пресветлому образу. Мужчины должны перестать быть женоподобными, женщины — мужеподобными. Каждый должен вспомнить о своем Богом заповеданном призвании: мужчина

— духовного главы, опоры и защитника семьи; женщина — нежной жены, создательницы домашнего очага и воспитательницы детей. Тогда создастся гармония поколений: в восстановленной семейной иерархии, в мудрости и милости старших, в послушании и почтении к ним младших, в осеняющей все любви брачной, родительской, сыновней и дочерней под благословляющей рукою Бога Вселюбящего. Будущее России — наши дети — должны питаться благодатными духовными соками: мужественной силой отцовства и женственной лаской материнства, — тогда воспрянет наша родина во

славе Святой Руси.

Ужасными, могущественными кажутся бедствия и злоба нынешнего века, так что при мысли об этом могут опуститься руки. Часто бывает страшно за себя, еще страшнее за детей наших. Но нельзя отчаиваться народу православному. С молитвой на устах и в сердце, с твердым упованием на всемогущество Божие сможем мы победить любое зло. Дорога к этой победе — в тихом и смиренном, невидимом миру подвиге нашей взаимной любви. И если каждый свершит этот подвиг, разрушатся козни вселенской злобы; так спасем мы свои души и души ближних, тем спасется Россия. Ибо

не умедлит Вселюбящий Бог прийти на помощь верным Своим, и изумительна, невообразима, чудесна будет Небесная помощь. Всероссийский молитвенник преподобный Серафим Саровский говаривал: *Нет нам дороги унывать! Христос смерть и ад победил! Всех нас воскресил!*

В 50-х годах XVIII века курский купец Исидор задумал построить храм во имя Преподобного Сергия Радонежского.

Кончина помешала ему осуществить этот замысел, но зато благочестивый Исидор оставил в этом мире живой храм, целый живой собор — сына своего, преподобного

Серафима Саровского. От честного брака боголюбивых Исидора и Агафии воссиял светоносный Всероссийский молитвенник, и Церковь воспевает ему: *Радуйся, родителей благочестивых отрасль пречестная; радуйся, на подвиг от матери крестом благословенный.*

Скромнен кажется подвиг честного брака, но от него рождались духовные вожди России. Игумен Русской земли Преподобный Сергей — сын праведных Кирилла и Марии. Всея Руси молитвенник преподобный Серафим — сын благочестивых Исидора и Агафии. Так святое супружество ведет от любви человеческой к Божественной

Любви, увенчивается вечным счастьем и славой на Небесах, а в дар земле оставляет потомков, блистающих совершенством, красотой и величием души.

Отечество наше в правоверии со—хранити, дома миром оградити, юныя от напастей и соблазнов избавити, старость укрепити и спасти души наша, — о всех наших нуждах молятся перед Всевышним дивные Небесные наши предстатели, подвижники честного брака преподобные Кирилл и Мария. Их подвиг, супружество святорусское — путь к возрождению православной России, золотой ключ к благополучию земному и счастьем на

Небесах. Припадем же к
вечноблаженной двоице —
преподобным родителям нашим
духовным Кириллу и Марии с
теплым прошением: Усердно молитесь
Господа, низпослати нам дух любви
и смиренномудрия, да в мире и
единомыслии прославим Троицу
Единосущную. Аминь.

**Да любите друг
друга.**

МОЛИТВЫ

Молитвы Преподобным Кириллу и Марии, родителям Преподобного Сергия Радонежского

О раби Божии, схимонаше Кирилле и схимонахине Марие! Внемлите смиренному молению нашему. Аще бо временное житие ваше скончали есте, но духом от нас не отступаете, присно по заповедем Господним шествовати нас научающе и крест свой терпеливо носить нам пособствующе. Се бо вкупе со преподобным и богоносным отцем нашим Сергием, вашим

возлюбленным сыном, дерзновение ко Христу Богу и ко Пречистой Его Матери стяжали есте. Темже и ныне будите молитвенницы и ходатаи о нас, недостойных рабах Божиих (имена). Будите нам заступницы крепции, да верою живуще, заступлением вашим сохраняема невредими от бесов и от человек злых пребудем, славяще Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Благоверному князю Петру и княгине Февронии, Муромским чудотворцам

О велиции угодницы Божии и предивнии чудотворцы, благовернии княже Петре и княгине Февроние, града Мурома предстателие и хранителие, и о всех нас усерднии ко Господу молитвенницы! К вам прибегаем и вам с упованием крепким молимся: вознесите о нас, грешных, святыя молитвы ваша ко Господу Богу, и испросите у благости Его вся благопотребная душам и телесем нашим: веру праву, надежду благу, любовь нелицемерну, благочестие непоколебимо, в добрых делех преуспеяние, мира умирение, земли плодоносие, воздуха благорастворение, телесем здравие и душам спасение. Исходатайствуйте у

Царя Небеснаш Церкви Святей и
всей державе Российстей мир,
тишину и благоустроение, и всем
нам житие благополучное и добрую
христианскую кончину. Оградите
Отечество ваше и вся грады
Российския от всякаго зла; и вся
правоверныя люди, к вам
приходящия и святым мощем вашим
поклоняющися, осените
благодатным действием богоприятных
молитв ваших, и вся прошения их во
благо исполните. Ей, чудотворцы
святии! Не презрите молитв наших,
со умилением вам днесь возносимых,
но будите о нас приснии
предстателие ко Господу, и
сподобите нас помощью вашею

спасение вечное улучшить и Царствие
Небесное унаследовати: да
славословим неизреченное
человеколюбие Отца и Сына и
Святаго Духа, в Троице
покланяемаго Бога, во веки веков.
Аминь.

Молитва девицы о супружестве

О, Всеблагий Господи, я знаю,
что великое счастье мое зависит от
того, чтобы я Тебя любила всею
душою и всем сердцем моим и чтобы
исполняла во всем святую волю
Твою. Управляй же Сам, о Боже мой,
душою моею и наполняй сердце мое:

я хочу угождать Тебе одному, ибо Ты Создатель и Бог мой. Сохрани меня от гордости и самолюбия: разум, скромность и целомудрие пусть украшают меня. Праздность противна Тебе и порождает пороки, подай же мне охоту к трудолюбию и благослови труды мои. Поелику же закон Твой повелевает жить людям в честном супружестве, то приведи меня, Отче Святый, к сему освященному Тобою званию, не для угождения вожделению моему, но для исполнения предназначения Твоего, ибо Ты Сам сказал: нехорошо человеку быть одному и, создав ему жену в помощницу, благословил их расти, множиться и населять землю.

Услышь смиренную молитву мою из глубины девичьего сердца Тебе воссылаемую; дай мне супруга честного и благочестиваго, чтобы мы в любви с ним и согласии прославляли Тебя, Милосерднаго Бога: Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.

*Молитва супругов при
бракосочетании*

Господи Боже наш, во спасительном Твоем смотреии сподобивый в Кане Галилейстей честный показати брак Твоим

пришествием, Сам ныне рабы Твоя
(имена) яже благоволил еси
сочетатися друг другу, в мире и
единомыслии сохрани; честный их
брак покажи, нескверное их ложе
соблюди, непорочное их
сожителство пребывати благослови
и сподоби я к старости маститей
достигнути, чистым сердцем
делающе заповеди Твоя. Ты бо еси
Бог наш, Бог еже миловати и
спасати, и Тебе славу возсылаем, со
Безначальным Твоим Отцем,
Всесвятым и Благим и
Животворящим Твоим Духом, ныне и
присно и во веки веков. Аминь.

Молитва супругов, детей не

Услышь нас, Милосердный и Всемогущий Боже, да молением нашим ниспослана будет благодать Твоя. Будь милостив, Господи, к молитве нашей, вспомни закон Твой об умножении рода человеческого и будь милостливым Покровителем, да Твоею помощью сохранится Тобою же установленное. Ты властною силою Твоею из ничегоже все сотворил еси и положил начало всего в мире суще — сотворил и человека по образу Своему и высокою тайною освятил союз супружества в предуказание тайны единения Христа с Церковью. Призри,

Милосердный, на рабов Твоих сих
(имена) союзом супружеским
соединенных и умоляющих о Твоей
помощи, да будет на них милость
Твоя, да будут плодовиты, и да
увидят они сыновей сынов своих до
третьего и четвертого рода и до
желаемой старости доживут, и
войдут в Царство Небесное через
Господа нашего Иисуса Христа,
Которому всякая слава, честь и
поклонение подобает со Святым
Духом вовеки. Аминь.

Святые отцы о супружестве

Святитель Василий Великий

Вы, избравшие супружество, не будьте беспечны, как будто вправе вы предаваться миру. Вам для улучшения спасения потребно больше трудов и осторожности, потому что избрали себе жилище среди сетей и державы отступнических сил (демонов), имеете пред глазами побуждения ко грехам и все чувства ваши день и ночь напряжены к вожделению их. Посему знайте, что

не избегнете борьбы с отступником и не одержите над ним победы без многих трудов на страже евангельских догматов.

Заботьтесь не на земле оставить детей, но возвести на небо; не прилепляйтесь к супружеству плотскому, но стремитесь к духовному; рождайте души и воспитывайте детей духовно.

Святитель Григорий Богослов

Одно из лучшего, чтобы Сам Христос присутствовал на браке, потому что где Христос, там

благопристойность; и чтобы вода стала вином, то есть все претворилось в лучшее, а потому не было смешиваемо несоединяемое между собою и не были сводимы вместе епископы и смехотворы, молитвы и рукоплескания, псалмопения и звуки свирелей, потому что как все прочее, так и браки христианские должны иметь благопристойность, а благопристойным делает степенность. Вот что приносим в дар бракосочетанию.

Хорошо обязаться супружеством, только целомудренно, уделяя большую часть Богу, а не плотскому союзу.

Составляя одну плоть, (супруги) имеют и одну душу и взаимною любо-вию одинаково возбуждают друг в друге усердие к благочестию. Ибо супружество не удаляет от Бога, а, напротив, более привязывает, потому что больше имеет побуждений. Как малый корабль и при слабом ветре движется вперед, быстро носимый по водам распростертыми парусами — даже и руки без труда принуждают его к бегу ударами весел, — большого же корабля не сдвинет легкое дыхание, напротив того, когда он с грузом выходит на море, только крепкий и попутный ветер может придать ему хода, — так не обремененные

житейскими заботами имеют нужду в меньшей помощи великого Бога, а кто обязан быть попечителем милой супруги, имения и чад, кто рассекает обширнейшее море жизни, тому нужна большая помощь Божия, тот взаимно и сам более любит Бога.

Хотя закон дает развод по всякой вине, но Христос — не по всякой вине, а позволяет только разлучаться с прелюбодейцею, все же прочее повелевает переносить любомудренно, а прелюбодейцу отлучает, потому что она повреждает род.

Связанные узами супружества, заменяем мы друг другу и руки, и слух, и ноги. Супружество и

малосильного делает вдвое сильным, доставляет великую радость благожелателям и печаль недоброжелателям. Общие заботы супругов облегчают для них скорби, и общие радости для обоих восхитительнее. Для единомышленных супругов и богатство делается приятнее, а в скудости самое единомышленное приятнее богатства. Для них супружеские узы служат ключом целомудрия и пожеланий, печатью необходимой привязанности.

Блажен, кто, уступив немного законам брака, приносит Христу большую часть любви.

Святитель Иоанн Златоуст

Из Беседы на слова апостола: «Но блудодеяния ради кийждо свою жену да имать» (1 Кор. 7, 2)

...Брак установлен не для того, чтобы мы распутствовались, не для того, чтобы предавались блудодеянию, но чтобы были целомудренными. Послушай Павла, который говорит: *Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа* (1 Кор. 7, 2).

Так, две цели, для которых установлен брак: чтобы мы жили целомудренно и чтобы делались отцами; но главнейшая из этих двух целей — целомудрие. После того как

появилась похоть, введен и брак, пресекающий неумеренность и побуждающий довольствоваться одною женою. А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: *плодитесь и размножайтесь, и наполните землю* (Быт. 1, 28); это доказывают те, которые, вступив в брак, не делались отцами. Таким образом, главная цель брака — целомудрие, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашим родом. Вначале желательно было иметь детей, чтобы каждому оставить память и остаток после своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть и умиравшие

думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях, чтобы оставались одушевленные образы отшедших, чтобы сохранился род наш и умиравшие и близкие к ним имели величайшее утешение в их потомках...

Когда же наконец воскресение стало при дверях и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни, лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишнею. Если же ты желаешь детей, то можешь приобрести лучших и полезнейших теперь, когда введено некоторое духовное чревоношение, лучшее рождение и

полезнейшие питатели старости. Следовательно, некоторым образом одна цель брака — чтобы не предаваться блудодеянию, и для этого введено такое врачевство. Если же ты намереваешься и после брака предаваться блудодеянию, то излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дело — предаваться блуду, не имея жены, или после брака опять делать то же самое. Последнее уже не блуд, а прелюбодеяние. Хотя и странны эти слова, но справедливы.

...Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть

же он хранит в целостности
собственность ее, пусть не
уменьшает и не повреждает ее. Ведь
и из слуг тот называется преданным,
который, приняв имущество господ,
ничего не тратит из него. Поэтому,
так как тело мужа есть
собственность жены, то пусть муж
будет верен в отношении к этому
залогу... Итак, когда ты видишь
блудницу, соблазняющую,
увлекающую, жаждущую твоего тела,
то скажи ей: это тело не мое, но
принадлежит моей жене, я не смею
злоупотреблять им и отдать его
другой женщине.

Так пусть поступает и жена. В
этом между ними совершенное

равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: *оба же и вы по единому кийждо свою жену еще да любит, якоже и себе; а жена да боится своего мужа* (Еф. 5, 33), и еще: *муж глава есть жены*, и еще:

должна жена повиноватися мужу (Еф. 5, 23, 22); также в Ветхом Завете сказано: *к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. 3, 16). Как же здесь он определил равную взаимность подчинения и господства? В самом деле, сказать: жена своим телом не владеет, но муж; такожде и муж своим телом не владеет, но жена — значит

определить полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена — госпожа его тела.

Почему же он определил такое равенство? Потому что там необходимо превосходство; а здесь, когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества пред женою, но подобно ей наказывается, если нарушает законы брака. И весьма справедливо. В самом деле, не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней

спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную...

Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину... ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния.

Каждый день повторяй себе эти слова; и если увидишь, что в тебе

возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятною, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень.

Таким образом, и жена опять будет для тебя вожденною, потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней; и не только жена будет более вожденною, но и ты сам окажешься гораздо почтеннейшим и благороднейшим.

Из Беседы «Похвала Максиму, и о

...Увещаваю и советую тем, которые намереваются взять жен, обратиться к блаженному Павлу, прочитать написанные им законы о браках и, узнав наперед, что повелевает он делать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная или имеющая какой-нибудь другой подобный недостаток, потом и рассуждать о браке.

Если ты увидишь, что он предоставляет тебе власть отвергать одну жену, когда найдешь в ней один из этих недостатков, и брать другую, то благодумствуй, избавившись от

всякой опасности; а если он не позволяет этого, но повелевает жену, имеющую все прочие недостатки, кроме прелюбодеяния, любить и держать в своем доме, то охраняй себя так, чтобы быть готовым переносить всю злобу жены.

Если же это тяжело и трудно, то сделай все и прими все меры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную, зная, что должно быть одно из двух: или, взяв дурную жену, переносить ее злобу, или, не желая этого и отвергнув ее, быть виновным в прелюбодеянии. *Отпущаяй жену свою, говорит Господь, разве словесе любодейнаго, творит ю прелюбодействовати; и иже*

пущеницу *поймет,*
прелюбодействует (Мф. 5, 32).

Обсудив это хорошо прежде брака и узнав эти законы, будем всячески стараться, чтобы вначале брать жену с добрым настроением и соответствующую нашим нравам; взяв такую, мы получим не только ту пользу, что никогда не отвергнем ее, но и будем любить ее с великою силою — так, как повелел апостол Павел.

Он, сказав: *мужие, любите своя жены*, не остановился только на этом, но показал нам и меру любви: *якоже и Христос возлюбил Церковь* (Еф. 5,25)... Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не

отказывайся. Если Господь так возлюбил рабу, что предал за нее Себя Самого, то тем более тебе должно так любить подобную тебе рабу. Но посмотрим, не красота ли этой невесты и добродетель ее души привлекли Жениха? Нельзя сказать это. Напротив, она была безобразна и нечиста, о чем можешь узнать из дальнейшего. Сказав: *Себе предаде за ню*, апостол присовокупил: *да освятит ю, очистив банею водною* (Еф. 5, 26). Словами *очистив ю* он выразил, что прежде она была нечиста и осквернена, и притом не незначительною, но крайнею нечистотою, потому что она осквернялась смрадом и дымом,

гноем и кровию, и множеством других подобных нечистот. Однако Он не отвратился от ее безобразия, но изменил неприятный вид ее, пересоздал, исправил, простил ее грехи.

Ему подражай и ты. Хотя бы множество грехов сделала против тебя супруга твоя, все отпусти и прости; хотя бы ты взял ее неблагонавною, исправь ее добротой и кротостию, как и Христос — Церковь. Он не только смыл ее нечистоту, но изгладил и старость, истребив ветхого человека, состоящего из грехов.

Выражая также и это, Павел говорит: *да представит ю Себе*

славну Церковь, не имущу скверны или порока (Еф. 5, 27). Он сделал ее не только прекрасною, но и молодою, не по свойствам тела, но по расположению воли.

И не только то удивительно, что Он, взяв некрасивую, безобразную, гнусную и старую, не отвратился от ее безобразия, а еще предал Себя за нее на смерть и даровал ей невыразимую красоту, но и то, что и впоследствии, видя ее часто оскверняющейся и получающей нечистоту, Он не отвергает и не отстраняет ее от Себя, но постоянно врачует и исправляет. Сколько людей, скажи мне, после принятия веры согрешали? Однако Он не

отвратился от них. Например, у коринфян блудник был членом Церкви, но Бог не отсекал его, а исправил (см. 1 Кор. 5,1, 5). Церковь галатская вся отступила и впала в иудейство; и однако Он не отверг ее, но, исцелив ее чрез Павла, возвел в прежнее состояние (см. Гал. 1, 6 и далее).

Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, — так будем поступать и с женою. Если будет в ней какой-нибудь порок, то не жену отвергай, но истребляй этот порок. Жену можно исправить, а поврежденный член часто невозможно излечить; и однако мы,

зная, что повреждение его неисцельно, несмотря на то не отсекаем его; часто многие, имея кривую голень, хромую ногу, сухую и омертвевшую руку или ослепший глаз, ни глаза не вырывают, ни ноги не отсекают, ни руки не отрезают, но видя, что для тела нет от них никакой пользы, а, напротив, причиняется великое безобразие для прочих членов, продолжают иметь их по связи с прочими членами. Поэтому не безрассудно ли там, где исправление невозможно и пользы нет никакой, оказывать такую попечительность, а где добрые надежды и удобное исправление, там не употреблять врачевания?

Поврежденное от природы
восстановить невозможно, а волю
развращенную исправить возможно.

Если же скажешь, что и жена
твоя больна неисцельно и, несмотря
на великую попечительность твою,
не оставляет своего нрава, и тогда не
должно отвергать ее, потому что и
член, больной неисцельно, не
отсекается. А она — член твой: *бу-*
дета, сказал Господь, *два в плоть*
едину (Быт. 2,24). Притом от
попечения о члене нам не будет
никакой пользы, если он останется
больным неисцельно; а за жену, если
она остается неисцельно больною,
предстоит нам великая награда за то,
что мы учим, руководим ее. Хотя бы

она не получила никакой пользы от нашего наставления, мы получим от Бога великую награду за терпение, за то, что по страху пред Ним мы оказывали такое терпение, кротко переносили злобу ее и держали ее как член свой.

Жена—необходимый член наш, и потому особенно должно любить ее. Этому самому научая, и Павел говорил: Тако должны суть мужие любити своя жены, яко своя телеса... Никто бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Христос Церковь: зане уди есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его (Еф. 5, 28–30).

...Жена благоразумная, кроткая

и воздержная, хотя бы она была бедною, в состоянии будет распорядиться и бедностию лучше, чем другая богатством; между тем как развратная, невоздержная, сварливая, хотя бы нашла в доме бесчисленные сокровища, расточит их скорее всякого ветра и ввергнет мужа вместе с бедностию в бесчисленные несчастья. Итак, не будем искать богатства, но такую жену, которая могла бы хорошо пользоваться имеющимся.

...Послушай Павла, который говорит: *но блудодеяния ради кийждо свою жену да имать* (1 Кор. 7, 2). Не сказал: для избежания бедности или для приобретения

богатства; а — что? Для того, чтобы избежать блудодеяния, чтобы обуздывать пожелания, чтобы жить целомудренно, чтобы угождать Богу, довольствуясь собственной женою. Таков дар брака, таковы плоды его, такова польза от него...

Брать жену надобно только для того одного, чтобы избегать греха, чтобы избавиться от всякого блудодеяния; для того нужно вступать в брак, чтобы он помог нам вести жизнь целомудренную; а это будет в том случае, если мы будем брать таких невест, которые могут принести к нам великое целомудрие, великую скромность. Красота телесная, не соединенная с

душевною добродетелию, может увлечь мужа двадцать или тридцать дней, а далее не будет иметь силы, но обнаружив дурные качества жены, уничтожит всю любовь; те же, которые блистают красотою душевною, чем больше проходит времени и чем больше они обнаруживают свое благородство, тем сильнее делают привязанность в своих мужьях и более воспламеняют их любовь. Таким образом, когда между ними существует пламенная и искренняя дружба, исключается всякого рода блудодеяние, и даже никакая мысль о распутстве не приходит в голову мужа, любящего свою жену, но он остается всегда

любящим собственную жену и таким целомудрием приобретает благоволение и покровительство Божие на весь дом свой.

...Когда намереваешься взять жену, не прибегай к людям, или к женщинам, торгующим чужими несчастьями и ищущим только одного, как бы им самим получить награду, но прибегай к Богу. Он не постыдится быть устройтелем твоего брака. Он Сам дал такое обещание: *ищите... Царствия Небесного, и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 33).*

Из Беседы «О вдовицах, с воспитании детей и о милостыне»

...Мы не законополагаем отвращаться от второго брака, но

увещеваем и советуем благоразумно
довольствоваться первым. Иное
дело—увещевать и советовать, а иное
— законополагать. Кто увещевает и
советует, тот предоставляет
слушателю быть господином в
избрании советов; а кто
законополагает, тот отнимает эту
возможность. Так и Церковь не
законополагает того, а только
увещевает; и Павел предоставил
второй брак, сказав так: *Жена
привязана есть законом, в елико
время живет муж ея; аще же
умрет муж ея, свободна есть, за
него же хо—щет, посягнути, точию
о Господе. Бла—женнейша же есть,
аще тако пребудет* (1 Кор. 7, 39—40).

Как прекрасен брак, а лучше девство, так прекрасен и второй брак, а лучше его первый и единственный. Итак, мы не отвергаем второго брака и не законополагаем этого, но увещеваем, если кто может быть целомудренным, оставаться при первом. Увещеваем и советуем это и для самой безопасности дома: второй брак часто бывает началом и предлогом раздора и ежедневных суматох. Часто муж, сидя за столом и вспомнив о первой жене при второй, тихо прослезится; а эта тотчас свирепеет и приступает, подобно дикому зверю, требует от него удовлетворения за нежность к той; и

если он захочет хвалить скончавшуюся, то основание похвал делается предлогом для суматохи и раздора...

Но беда не ограничивается этим, а хотя бы родились дети от второй жены, хотя бы нет, опять суматоха и раздор. Если они не родились, то она больше мучается и за это смотрит на детей первой жены как на врагов, причинивших ей величайшую несправедливость, при жизни их яснее чувствуя собственное бездетство. Если же они рождаются, то опять не меньше беда. Часто муж, нежно расположенный к отошедшей, обнимает ее детей, любя и вместе сожалея о сиротстве их; а эта всюду

желает отдать предпочтение своим детям, а тех не желает поставить даже в ряд братьев, но отверженных домочадцев; все это может низвергнуть дом и сделать для женившегося жизнь не в жизнь. Поэтому мы увещеваем, если возможно, оставаться целомудренными, довольствоваться первым браком и ни женам не искать женихов, ни мужьям жен, чтобы не низвергнуть всего дома.

Из Беседы на слова: «Жена привязана есть законом, в елико время живет муж ея; аще же умрет... свободна есть, за него же хочет, посягнути, точию о Господе. Блаженнейша же есть, аще тако

пребудет» (1 Кор. 7, 39–40)

Сказав: *блаженнейша же есть, аще тако пребудет*, и предупреждая, чтобы ты не подумал, будто это закон человеческий, услышав слова его: *по моему совету*, он присовокупил: *мнюся бо и аз Духа Божия имети* (1 Кор. 7,40). Поэтому ты не можешь сказать, что это — мнение человеческое, но это — определение благодати Духа и закон Божественный. Итак, не будем думать, что это слова Павла, но — Утешителя, Который преподает нам такой закон. Если же он говорит: *мнюся*, то говорит не как незнающий, но как умеренный и скромный.

Таким образом, о том, что она *блаженнейша есть*, он сказал; а как блаженнейша, об этом не прибавил, сделав достаточное указание в том, что он преподает определение Духа. Если же ты хочешь исследовать это и суждением, то найдешь здесь великое обилие доказательств и увидишь, что вдова блаженнее не только по отношению к будущему веку, но и в настоящей жизни. Это самое разумел Павел, как он и выразил, говоря о девах. Увещевая и советуя избрать девство, он сказал так: *мню... яко добро человеку тако быти за настоящую нужду*; и далее: *и аще посягнет дева, не согрешила есть* (1 Кор. 7, 26, 28), понимая здесь

не такую деву, которая отказалась вступать в брак, но только не испытавшую брака, а не ту, которая обязалась обетом постоянного девства. *Скорбь же по плоти имети будут таковии, аз же вы щажду.* Этим одним простым словом он предоставил благоразумному слушателю припомнить все, и болезни рождения, и воспитание детей, и заботы, и болезни, и безвременные смерти, и несогласия, и ссоры, и угождение бесчисленному множеству мнений, и ответ за чужие грехи, и принятие бесчисленных скорбей в одну душу. От всех этих зол избавляется избравшая девство, и вместе с избавлением от

неприятностей имеет в надежде великую награду в будущей жизни.

Зная все это, постараемся довольствоваться первым браком; если же готовимся вступить во второй, то — надлежащим образом и с должным настроением, по законам Божиим. Поэтому апостол и сказал: *свободна есть, за него же хочет, посягнути* и присовокупил: *точию о Господе*, предоставляя свободу и вместе ограждая эту свободу, уступая власть и вместе полагая этой власти пределы и законы со всех сторон, — например, чтобы жена не принимала в дом мужей беспутных и развратных, или упражняющихся на зрелищах, или склонных к

прелюбодеянию, но с честностью, с целомудрием, с благоговением, чтобы все делалось во славу Божию. Так как часто многие жены по смерти первых мужей сначала предавались блудодеянию, а потом принимали следующих и придумывали другие нечистые способы жизни, то он и прибавил: *точию о Господе*, — чтобы второй брак не имел ничего подобного...

Всего лучше — ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большое благоволение от Бога. Если же кто захочет вступить во второй брак, то

нужно делать это с целомудрием, с честностью, согласно с законами, — потому что и это дозволяется, а запрещается только блуд и прелюбодеяние. Его будем избегать и имеющие жен, и не имеющие; не станем срамить свою жизнь, проводить смешной образ жизни, осквернять тело, носить в душе нечистую совесть.

Из Беседы «О том, что никому не должно отчаиваться, ни молиться о вреде врагам, ни падать духом, не получая просимого; также к мужьям о сохранении мира с женами»

Пусть для жены не будет ничего драгоценнее ее мужа, а для мужа ничего вождедленнее его жены. В том

состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была единомышленна с мужем; этим поддерживается все в мире.

Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь. Смотри: мир состоит из городов, города — из домов, дома — из мужей и жен; поэтому, когда настанет вражда между мужьями и женами, то входит война в дома; а когда они мнутя, тогда беспокойны бывают и города;

когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением,

войною и раздорами. Поэтому и Бог особенно промышляет об этом; потому Он и не дозволяет отвергать жену, разве только в случае прелюбодеяния.

А что, скажешь, если она сварлива, если небережлива и расточительна, если имеет и множество других недостатков? Переноси все мужественно и не отвергай ее за эти недостатки, но исправляй недостатки. Для того ты и занимаешь место головы, чтобы ты умел врачевать тело. От тела нашего, хотя бы оно имело тысячу ран, мы не отсекаем головы. Так и жены не отделяй от себя, потому что жена у нас занимает место тела. Поэтому и

блаженный Павел говорил: *так* должны мужие любить своя жены, яко своя телеса (Еф. 5,28). И для жен тот же закон у нас: как любишь ты, жена, свою голову и ценишь ее, так цени и мужа. Мы не напрасно столько говорим об этом предмете. Знаю, сколько благ происходит от того, когда нет раздора у жены с мужем;

знаю, скольких зол бывает причиною то, когда они ссорятся между собою. Тогда ни богатство, ни благочадие, ни многочадие, ни власть и могущество, ни слава и честь, ни изобилие и роскошь и никакое другое благосостояние не может радовать мужа или жену, если

они в раздоре друг с другом.

...Если Бог увидит, что ты из повиновения Его закону терпишь и благодушно переносишь грехи твоей жены, то Он поможет тебе научить ее и даст тебе награду за терпение. *Что веси, говорит апостол мужу, аще жену спасеши? или что веси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. 7, 16)? Не унывай же, говорит, и не отчаивайся: может быть, она и спасется; если же останется неисправимою, то ты не потеряешь награды за терпение. Но если ты отвергнешь ее, то, во-первых, согрешишь тем, что нарушишь закон и будешь виновен пред Богом в прелюбодеянии, потому что всяк

отпускай жену свою, говорит Господь, *разве словесе любодейнаго, творит ю прелюбодействовати* (Мф. 5,32). Притом часто, взяв и другую, более ее тяжелую, ты грех уже сделал, а покоя не найдешь. Если же возьмешь и лучшую, то не дано будет тебе наслаждаться чистым удовольствием со второю за то, что ты отвергнул прежнюю, сделавшись виновным в прелюбодеянии, потому что отвергать прежнюю есть прелюбодеяние.

Итак, когда ты увидишь какое-либо случившееся затруднение или в супружестве, или в других обстоятельствах, то молись Богу: это единственный самый лучший способ

избавиться от случающихся с нами бедствий.

Святитель Тихон Задонский

*Из книги «Наставление о
собственных всякого христианина
должностях» Должности мужей к
женам*

1. Мужья должны любить своих жен, по увещанию апостольскому: *Мужья, любите своих жен* (Еф. 5, 25). Причину приводит: потому что муж и жена — одна плоть. Откуда и

следующее: *Так должны мужья любить своих жен, как свои тела... Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее (Еф. 5, 28–29). И во образ им представляет Самого Христа Сына Божия, Который Церковь Свою любит:*

Как и Христос, — говорит, — возлюбил Церковь и предал Себя за нее.

2. Не должны с ними жестоко поступать, как учит апостол: *Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы (Кол. 3,19);* но, как святой Петр увещевает, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им

честь, как сонаследницам
благодатной жизни, дабы не было
вам препятствия в молитвах (1 Пет.
3, 7).

3. Должны хранить верность к
своим женам, супружеское ложе
непорочно соблюдать, чужого ложа
не касаться:

Брак у всех да будет честен и
ложе непорочно; блудников же и
прелюбодеев судит Бог (Евр. 13, 4).

4. Хотя и должны любить мужа
жен своих, но пленяться любовью их
и без разума им угождать не должны.
Видим, сколь вредно угождать
женам без разума. Адам безмерною
любовию жены пленился и пал в
тяжкий грех и себя и род

человеческий погубил (см. Быт. 3, 17). Соломон премудрый, плененный излишним люблением жен, в грех богоотступничества и идолопоклонения пал (см. 3 Цар. 11, 4 и далее). Иезавель нечестивая научила мужа своего Ахава, царя Иерусалимского, беззаконствовать (см. 3 Цар. 17, 4 и далее). Ирод беззаконный не устранился невинно обезглавить великого Предтечу ради любви женской. То же читаем и в церковной истории. Подобные беды и напасти и ныне бывают от жен, когда им мужья не по разуму угождают. Жена неразумная и страха не имеющая обычая своего не изменяет,

ласкательствует и прельщает мужа своего. Муж как глава жены не должен ласкательством ее прельщаться, а особенно власть имеющий, чтобы самому не погибнуть и иным много бед не учинить.

Должности жен к своим мужьям

1. Так и жены должны своих мужей любить и угождать им во благо и по воле Божией.

2. Хранить верность супружеского ложа и не знать никого, кроме своих законных мужей.

3. Должны к своим мужьям благоговейными быть по апостольскому повелению: *Жена да боится, своего мужа* (Еф. 5, 33). Страх сей с любовью соединен должен быть.

4. Жены мужьям должны повиноваться, как повелевает им апостол: Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе (Кол. 3, 18). И еще: Учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии (1 Тим. 2, 12).

**Святитель Филарет,
Митрополит Московский
и Коломенский**

*Из Пространного Православного
Катехизиса Православной
Кафолической Восточной Церкви
О Браке*

Брак есть Таинство, в котором при свободном перед священником и Церковью обещании женихом и невестой взаимной их супружеской верности благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

То, что брак есть Таинство, видно из следующих слов апостола

Павла: оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будет два в плоть едину (и будут двое одна плоть). Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во Церковь (Еф. 5, 31–32).

Не всем должно вступать в брак. Девство лучше супружества, если кто может в чистоте сохранить его. Об этом именно сказал Господь Иисус Христос: Не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть: могий (кто может) вместити, да вместит (Мф. 19, 11–12). И апостол говорит: Глаголю же безбрачным и вдовицам: добро им есть, аще пребудут якоже и аз. Аще ли не удержатся, да посягают (если не могут

воздержаться, пусть вступают в брак) ... Не оживившись печется (заботится) о Господних, како угодити Господеви: а оживившись печется о мирских, како угодити жене... Вдаяй браку (выдающий замуж) свою деву, добре творит: и не вдаяй, лучше творит (1 Кор. 7, 8–9, 32–33, 38).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

*Поучительное слово жениху и
невесте*

Честный женише и честная невесто! Вы приступаете к великой тайне, называемой браком; великой потому, что брачный союз мужа и жены изображает святейший союз Иисуса Христа с Церковью, то есть с верующими в Него: *как муж есть глава жены, так Христос есть глава Церкви* (Еф. 5, 23); как жених и невеста в браке венчаются в плоть едину, так и Христос и Церковь Его — также едино тело, ибо истинно верующие в Него суть члены... Его, *от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30).

Такое важное значение таинства брака налагает на обоих вас весьма важные обязанности, исполнять

которые вы должны стараться всемерно. Сожитие ваше должно быть чисто и свято, как свят союз Господа с Церковию; должно быть разумно, любовно и мирно и неразрывно. Сожитие ваше должно быть чисто и свято, ибо Сам Господь, вначале создавший человека, мужеский пол и женский, сочетавает мужа и жену в едину плоть для взаимной помощи в телесных и духовных нуждах и ради умножения рода человеческого.

Цель высокая и святая: отныне вы делаетесь одушевленными орудиями Божественной благодати и всемогущества, ибо чрез мужа и жену всеблагий Творец призывает к

бытию и жизни разумные создания, будущих Его чад и наследников Царствия Божия; и вы, если и вас Господь благословит ими, должны будете воспитать их в правилах православной веры и жизни христианской, служа для них прежде всего сами примером веры, благочестия и страха Божия; и друг для друга вы должны быть примером кротости и незлобия, воздержания, благодушия, честности и трудолюбия, покорности Божией воле, терпения и упования; помогайте друг другу; берегите друг друга, снисходите один другому, покрывая немощи друг друга любовью.

Бывают и несчастные супружества: иногда муж и жена сходятся как будто только на грех и беду того и другого. От чего они несчастны? Большею частию от несходства характеров, от взаимной неуступчивости; от строптивости, самоуправства и взыскательности мужа или от его дерзкого нрава; от неверности мужа или жены; от невоздержности или страсти к игре мужа; от пристрастия жены к нарядам, от ее своенравия, злости, сварливости, упрямства, от неумения переносить недостатки в жизненных потребностях. Господь да поможет вам избежать такого греховного сожития и таких супружеских бед.

Имейте всегда веру и страх Божий в сердце: благоразумие, терпение, упование; трудитесь и молитесь; ложитесь спать и вставайте с молитвою в сердце и на устах; не оставляйте церковных собраний; исполняйте усердно ежегодно христианский долг исповеди и приобщения Святых Христовых Тайн. В этих таинствах вы найдете, кроме благодати очищения грехов и освящения душ и телес ваших, — благодать твердого единодушия, освящение в самых чреслах и во утробе будущего поколения, обновление духовных и телесных сил, помощь, утешение и ободрение в трудных житейских

обстоятельствах, исцеление
болезней.

Сожитие ваше должно быть разумно, ибо святой апостол Петр говорит: *вы, мужи, обращайтесь благоразумно с женами, как с немоцнейшим сосудом, оказывая им честь как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах (1 Пет. 3, 7).*

И вы должны разумеать всегда, для чего Господь соединил вас узами брака, венчав в плоть едину: именно вы должны непрестанно, совокупными силами достигать Царствия Божия; а если Бог даст чад, и их также воспитывать и

приготовлять наипаче к наследию вечных благ, ибо временные блага обманчивы, кратковременны и не составляют цели нашей жизни; христианам обещаны блага нетленные, духовные, вечные; возбуждайте друг друга к любви Божией и горним благам и любви к ближнему. Имея всегда в виду небесное отечество, вы должны считать себя на земле странниками и пришельцами; дорожить временем и употреблять оное на дела правды, а не на дела пустые, суетные и грешные; каждый день считать великим даром милости Божией, данным нам для нашего обращения к Богу, для исправления, для

утверждения и усовершенствования в добродетели, для спасения души. *Искупующе время, яко дни лукавы суть* (Еф. 5, 16).

Далее, сожитие ваше должно быть любовное и мирное. И может ли быть иначе? *Никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Господь Церковь. А вы отныне будете одна плоть. Муж должен любить свою жену, как свое тело: ибо любящий свою жену любит самого себя* (Еф. 5, 29, 28).

Если будете жить во взаимной любви, вы низведете на себя и потомство свое Божию благодать — и Бог вселится в вас и увенчает все

начинания и дела ваши благословенным успехом: ибо где любовь, там Бог, а где Бог, там все доброе. С любовью водворится в доме вашем мир и спокойствие, ибо любовь долготерпит и все покрывает и не допускает человека раздражаться, сердиться, быть своенравным, обижать словом или делом.

Наконец, сожитие ваше должно быть неразрывно — до гроба: любовь христианская любит до конца, а не на время, она тверда и постоянна. Будут искушения для вашей любви со стороны слабостей того или другого из вас, или от несходства характеров, привычек, или со стороны людей, со

стороны исконного врага—
преодолевайте мужественно эти
искушения; *будьте мудри яко змия, и
цели яко голубие* (Мф. 10, 16); не
раздражайтесь, терпите, снисходите,
крепитесь верою во Христе Иисусе,
Который и да будет для вас, честный
жених и честная невеста,
всегдашним примером святой любви,
кротости, незлобия, терпения—вашею
Силою, вашим Светом и
Путеводителем, вашим Защитником
и Спасителем до гроба. Аминь.